

**Спор о подлинности «Слова о полку Игореве»:
история одной неосуществленной публикации**

(по письмам из архивов Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева)¹

27 февраля 1963 г. доктор исторических наук Александр Александрович Зимин прочел в Отделе² древнерусской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР доклад, содержание которого было скрыто под ничего не говорящим названием. «К изучению „Слова о полку Игореве“». ³ Неожиданно для многих присутствующих, в том числе для сотрудников Отдела, московский историк выступил как скептик в вопросе о времени написания «Слова», изложив основные положения своей, подготовленной к публикации, книги

Доклад вызвал широкий резонанс в нашей стране и за рубежом. Об этом красноречиво свидетельствует переписка академика Д. С. Лихачева с отечественными и зарубежными учеными, опубликованная в двух номерах журнала «Русская литература» за 1994 г.⁴ В № 2 напечатаны письма, отражающие реакцию ученых на доклад А. А. Зимина, а в № 3 — письма, связанные с подготовкой к закрытому обсуждению книги А. А. Зимина в Отделении истории АН СССР.

Несколько писем, опубликованных в № 2 журнала, свидетельствуют о намерении Отдела опубликовать в журнале «Русская литература» (в разделе «Хроника») отчет о заседании 27 февраля 1963 г. Однако эти письма, как оказалось, дают далеко не полную картину происходившего. Интереснейший материал, рассказывающий о бушевавших страстях в период подготовки отчета, содержится в архиве Льва Александровича Дмитриева,⁵ которого к моменту публи-

¹ Подготовка текстов к печати, вступительная статья и комментарии Л. В. Соколовой

² В те годы Отдел древнерусской литературы назывался Сектором, так он и именуется в публикуемых далее письмах. Но теперь (как, впрочем, и при своем возникновении) подразделение ИРЛИ, занимающееся изучением древнерусской литературы, называется Отделом, поэтому именно так мы именуем его во вступительной заметке и в примечаниях

³ В письме заведующему Отделом древнерусской литературы Д. С. Лихачеву от 15 февраля 1963 г. А. А. Зимин пишет: «Дорогой Дмитрий Сергеевич! У меня к Вам большая просьба. Не смогли бы Вы поставить на заседании Вашего сектора в ближайшее свободное время мой доклад на тему „К изучению «Слова о полку Игореве»“? В этом докладе мне хотелось бы поделиться своими соображениями по темным и малоизученным вопросам истории текста этого памятника в связи с историей Руси XII в. Мне кажется, что взгляд историка может способствовать прояснению этих вопросов. Если такая возможность поставить мой доклад представится, — напишите, пожалуйста, на какое число будет намечено заседание, и я приеду. Желая Вам всего самого доброго < > Всегда Ваш А. Зимин». После получения письма доклад был назначен на первую же среду (день заседаний Отдела)

⁴ К истории спора о подлинности «Слова о полку Игореве» (Из переписки академика Д. С. Лихачева) / Публикация Л. В. Соколовой // РЛ 1994 № 2 С 232—268, № 3 С 213—245

⁵ Материал это хранится в рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, ф. № 763

кации в «Русской литературе» уже не было в живых, и этот материал оказался, к большому сожалению, не использован.

Его вдова и коллега, Руфина Петровна Дмитриева, обнаружив эти материалы, предложила мне в 1998 г. опубликовать их. Дмитрий Сергеевич Лихачев, даже еще не читая писем, выразил твердую уверенность, что материалы надо издавать, причем не в «Русской литературе», а в «Трудах Отдела древнерусской литературы». На мой взгляд, эта готовность Д. С. Лихачева обнародовать все без исключения материалы «зиминской истории» свидетельствует не только о понимании их значения для истории науки, но и о том, что он не боялся возможных кривотолков и спекуляций по поводу публикуемых документов, которые, отмечу, не замедлили появиться.⁶

Сейчас в издательстве «Дмитрий Буланин» подготовлена к печати книга А. А. Зимина о «Слове», доработанная автором после ее обсуждения и значительно выросшая в объеме по сравнению с первоначальным вариантом. Кроме того, в одном из номеров журнала «Звезда» за 2004 г. будет опубликована переписка А. А. Зимина и Я. С. Лурье, в том числе письма, касающиеся работы А. А. Зимина о «Слове о полку Игореве» и связанных с ней проблем. Это делает своевременной публикацию писем из архива Л. А. Дмитриева. Для более полной картины происходившего печатаются и некоторые письма из архива Д. С. Лихачева, опубликованные ранее в № 2 журнала «Русская литература» за 1994 г. (см. письма 3, 10, 11, 12, 13 в данной публикации).

Публикуемые письма интересны в первую очередь тем, что раскрывают историю подготовки «хроники» (она печатается в Приложении). Заинтересованные в научной истине ученые просили Д. С. Лихачева срочно изложить основные доводы А. А. Зимина, и Л. А. Дмитриев по просьбе Д. С. Лихачева пишет отчет о заседании. Но в Идеологической комиссии ЦК КПСС решили до обсуждения книги А. А. Зимина в Отделении истории АН СССР не печатать какие-либо материалы по докладу. Отсутствие информации о докладе и его основных положениях огорчало не только А. А. Зимина, но и защитников подлинности «Слова», о чем пишет Д. С. Лихачев в письме П. Н. Федосееву, члену ЦК КПСС, возглавлявшему тогда секцию общественных наук АН СССР (см. письмо под № 12). Дело в том, что доклад А. А. Зимина был преподнесен в парижской «Русской мысли» как «советская научная сенсация»,⁷ на Западе посчитали вопрос решенным: «Слово» кое-где изымалось из университетских курсов, в немецком издательстве приостановили подготовку издания «Слова» (вернувшийся из поездки по Советскому Союзу заместитель президента немецкой Академии наук якобы узнал, что «академик В. Виноградов к Софийскому конгрессу славистов»⁸ готовит сборник, в котором с научной точностью будет доказано, что „Слово о полку Игореве“ — подделка).⁹ Почему же некоторые представители западной науки и издательского дела, основываясь лишь на непроверенных «слухах», посчитали вопрос о времени написания «Слова» решенным? Вероятно, они рассуждали так же, как и автор статьи в «Русской мысли»: он предполагал, что докладчик располагал какой-то «документацией» и что он «едва ли бы решился посягнуть на такое произведение, как „Слово“ <...> если бы у него <...> не было ничего, кроме остроумной гипотезы и произвольного субъективного домысла».¹⁰

⁶ Сошлось хотя бы на послесловие А. Б. Страхова к книге М. Ф. Мурьянова «„Слово о полку Игореве“ в контексте европейского средневековья» (Palaeoslavica. 1996. N 4) и на книгу А. А. Гогешвици «Три источника „Слова о полку Игореве“» (М., 1999. С. 176).

⁷ Текст статьи переиздан: РЛ. 1994. № 2. С. 264—266.

⁸ V Съезд славистов проходил в Софии в сентябре 1963 г.

⁹ Обо всем этом см.: РЛ. 1994. № 2. С. 232—268.

¹⁰ Русская мысль. 1963. 1 июня. Переиздано: РЛ. 1994. № 2. С. 264—266.

Что же происходило на заседании Отдела древнерусской литературы ИРЛИ 27 февраля 1963 г.? Доклад длился необычайно долго (более трех часов). Он представлял собой развернутое изложение гипотезы серьезного ученого, несколько лет работавшего над своей книгой и выступившего «во всеоружии». Доклад содержал сложный, в том числе текстологический, материал, который трудно воспринимался на слух. Опровергнуть источниковедческие, текстологические, лингвистические доводы докладчика можно было лишь после прочтения и тщательной проверки всего этого материала, поэтому дискуссия на заседании носила лишь предварительный характер. Несмотря на это в прениях по докладу были высказаны серьезные возражения А. А. Зимину, развитые затем в статьях,¹¹ были указаны явные противоречия в концепции докладчика.

Публикуемые письма интересны и тем, что характеризуют непростую ситуацию, в которой оказались друзья, ставшие вдруг научными противниками: А. А. Зимин и Л. А. Дмитриев. Их письма¹² еще раз подтверждают, что научная истина одна, а человеческая — у каждого своя. На мой взгляд, вполне корректно, достойно вели себя как А. А. Зимин, так и сотрудники Отдела древнерусской литературы.¹³ И в первую очередь Л. А. Дмитриев, оказавшийся «между молотом и наковальней», т. е. между своей твердой научной позицией и дружескими отношениями с А. А. Зиминим. Во многом именно благодаря Л. А. Дмитриеву, его выдержанности, его уважению к оппоненту, к иной точке зрения, уменню понять другого человека и сопереживать ему¹⁴ был снят излишний накал страстей.

Важно, что дискуссия приняла сугубо научный характер. В письме А. А. Зимину от 30 июня 1963 г. (публикуется под № 7) Л. А. Дмитриев пишет: «В вопросе о „Слове“ я твой противник, и, как ты сам прекрасно понимаешь, я должен и буду здесь спорить с тобой. Но, и это я говорил и в частных и в официальных разговорах, твоя точка зрения — это твоя научная гипотеза, и спорить с ней нужно как с гипотезой, *не примешивая сюда никакой политики*» (курсив мой. — Л. С.). Это было общей позицией Отдела древнерусской литературы ИРЛИ, об этом пишет в своих письмах и Д. С. Лихачев. В. П. Адрианова-Перетц,¹⁵ резко отзываясь о работе А. А. Зимина в своем частном письме Д. С. Лихачеву,¹⁶ также «не примешивает никакой политики» в оценку книги.

¹¹ Перечисление некоторых откликов на работу А. А. Зимина см.: РЛ. 1994. № 3. С. 244—245.

¹² Письма Л. А. Дмитриева А. А. Зимину публикуются по сохраненным им в архиве машинописным копиям.

¹³ В упрек А. А. Зимину можно, однако, поставить то, что он «хитрил в своем письме Д. С. <Лихачеву>», не желая понимать, что в условиях того времени ставит тем самым под удар Отдел древнерусской литературы ИРЛИ, даже не предупреждая его об этом. Объяснения Д. С. Лихачева по поводу постановки доклада продиктованы именно «тревогой Д. С. Лихачева за Сектор» и потому вовсе не носят «дурачки-мелкий характер» (в кавычки взяты слова Я. С. Лурье, см. письмо под № 9). На мой взгляд, А. А. Зимин, вводя в заблуждение Д. С. Лихачева о содержании своего доклада, вынесенного на широкую аудиторию, тем самым показал, что целью его выступления именно в ИРЛИ было не стремление основательно и продуктивно обсудить свою гипотезу в кругу специалистов-филологов, а желание эффектно ее обнародовать.

¹⁴ О благородстве Л. А. Дмитриева как его отличительном качестве пишут многие авторы воспоминаний о нем. См.: Лев Александрович Дмитриев: Библиография. Творческий путь. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 1995.

¹⁵ Варвара Павловна Адрианова-Перетц, член-корреспондент АН СССР (с 1943 г.), с 1945 по 1954 г. возглавляла Отдел древнерусской литературы ИРЛИ. В 1963 г. была уже на пенсии, но сохраняла теснейшие связи с Отделом. Автор многих работ по «Слову о полку Игореве».

¹⁶ Получив экземпляр изданной на ротاپринтере книги А. А. Зимина, В. П. Адрианова-Перетц пишет Д. С. Лихачеву из Сестрорецка: «Она (книга. — Л. С.) вызывает у меня такое сердцебиение, что я просто не могу позволить себе читать ее подолгу сразу. Я просмотрела текстологию Задонщи-

Хочется подчеркнуть, что все сотрудники Отдела древнерусской литературы выражали желание видеть книгу А. А. Зимина опубликованной. Об этом просит Д. С. Лихачев в упоминавшемся письме к П. Н. Федосееву (см. письмо под № 12), с этой же просьбой обращались в газету «Известия» сотрудники Отдела,¹⁷ о чем свидетельствует ответ на их письмо, подписанный зам. редактора газеты «Известия» по отделу пропаганды Ю. Шарповым. Вот этот ответ:

<Штамп «Известий»>

6 февраля 1965 г.

№ пр. 3526

Уважаемые гг. Дмитриева,¹⁸ Лурье,¹⁹ Малышев²⁰ и Творогов!²¹

Редакция «Известий» не решает вопрос о публикации работы А. А. Зимина. Это дело Академии наук СССР. Что же касается концепции А. А. Зимина, то Вы правы: в ходе этой дискуссии большинство ее участников не согласилось с точкой зрения А. А. Зимина.

С приветом

Зам. редактора «Известий» по отделу пропаганды

/Ю. Шарпов/.

В заключение выражу удовлетворение тем, что книга А. А. Зимина наконец-то увидит свет и ученые, стоящие на разных научных позициях, смогут в полном объеме познакомиться с аргументацией А. А. Зимина. Сам он, как явствует из публикуемых писем, был глубоко уверен в своей правоте,²² хотя, возможно, неосознанно «выстраивал» свою концепцию, отвечая далеко не на все возражения оппонентов.²³

И последнее. Подготовил книгу к печати в качестве научного редактора О. В. Творогов, оппонент А. А. Зимина по вопросу о времени написания «Слова», что еще раз подтверждает твердую позицию Отдела по поводу публикации книги А. А. Зимина.

ны — она сделана слабо, небрежно и предвзято, видимо, без тех узоров, какие были вышиты на ней в докладе. Следующий раздел — сопоставление со „Словом“, ведущее к тому, чтобы „доказать“ вторичность „Слова“, еще слабее и безвкусно до физической тошноты. <...> Я не вижу никакого увлечения автора этой книги. Он назойливо тычет в одну точку, и потому самые ясные вещи у него выворачиваются наизнанку — „на ниче“, которое он ухитрился занести в полонизмы. Итак, пощадите, не вынуждайте меня сейчас читать Зимина. <...> Извините мое ворчанье, книга испортила мне настроение, и даже синее небо и сверкающий снег не исправляют его. Что-то в этой книге есть нечистое — это поиски не истины, а славы любой ценой». Полный текст письма см.: РЛ. 1994. № 3. С. 217.

¹⁷ Интересно, что среди них были как сочувствующие А. А. Зимину, так и его оппоненты.

¹⁸ Руфина Петровна Дмитриева, сотрудница Отдела древнерусской литературы ИРЛИ, в то время кандидат (позднее доктор) филологических наук.

¹⁹ Яков Соломонович Лурье, сотрудник Отдела древнерусской литературы ИРЛИ, доктор филологических наук (с 1962 г.).

²⁰ Владимир Иванович Малышев, заведующий Древлехранилищем ИРЛИ, в то время кандидат (позднее доктор) филологических наук.

²¹ Олег Викторович Творогов, сотрудник Отдела древнерусской литературы ИРЛИ, в 1963 г. кандидат (позднее доктор) филологических наук.

²² Без этой глубокой убежденности в своей правоте А. А. Зимин вряд ли бы подверг себя и свою научную карьеру таким испытаниям. О том, что он догадывался о возможных последствиях своей работы, свидетельствует письмо его жены, В. Г. Зиминной, адресованное Р. П. Дмитриевой (хранится в архиве Л. А. Дмитриева среди публикуемых нами материалов). В нем Валентина Григорьевна пишет об «огромном волнении» и «страшных переживаниях», которые испытывало «все семейство», провожая А. А. Зимина в Ленинград.

²³ См. об этом: Лихачев Д. С. Когда было написано «Слово о полку Игореве»? // ВЛ. 1964. № 8. С. 132—160.

1

Письмо Д. С. Лихачева Л. А. Дмитриеву

(После 13 июня 1963 г.)

Дорогой Лев Александрович!

До меня дошли слухи, что В. Г. Базанов¹ требует в № 3 журнала отчет о Зиминском заседании. Кроме того, я получил письмо от Р. О. Якобсона,² который умоляет в интересах защиты «Слова» опубликовать хотя бы отчет о заседании.

Поэтому я считаю крайне необходимым, чтобы Вы доделали Ваш отчет. Необходимо только в заключительной части его (она у Вас есть, но коротка и выражает нетвердость Вашей уверенности в подлинности «Слова») ответить на все то, на что не было отвечено выступавшими, и ответить без всяких колебаний.

Твердость и вежливость по отношению к Зимину и его положениям! Необходимо отметить, что основные положения (по текстологии «Задонщины», напр.) повторяют не только Фрчека,³ но и Мазона⁴ гл. образом.

Если отчет не будет опубликован и мы не дадим этого отчета Базанову, последний (и дирекция в целом) смогут сказать, что Сектор не сумел защитить «Слово».

Жду от Вас ответа. Пришлите мне, пожалуйста, копию Вашего отчета. Договоритесь с В. Г. Базановым о сроках представления.

Привет большой всем в Секторе.

Ваш Д. Лихачев

Из Оксфорда нет и нет мне бандероли. Предупредите в канцелярии. Все бандероли на дом приходят, а в институте это уже третья пропаша!

Какое голосование по Измайлову?⁵

Надо бы в отчете деликатно отметить отсутствие на заседании по болезни В. П. Адриановой-Перетц, В. В. Данилова⁶ и мое.

¹ Василий Григорьевич Базанов, главный редактор журнала «Русская литература» (с 1958 г.), член-корреспондент АН СССР (с 1962 г.).

² Роман Осипович Якобсон, филолог, профессор Гарвардского университета, один из основных оппонентов А. Мазона на Западе.

³ Ян Фрчек, чешский славист, писавший о взаимоотношении двух редакций «Задонщины». Его работа была использована А. Мазоном для доказательства вторичности «Слова» по отношению к «Задонщине».

⁴ Андре Мазон, французский славист, член Французской Академии наук. Свои сомнения в подлинности «Слова» развил в целом ряде работ. Очень большое внимание уделил при этом взаимоотношению «Слова» и «Задонщины».

⁵ Измайлов Николай Васильевич, в 1924—1929 и в 1957—1970 гг. заведующий Рукописным отделом ИРЛИ. 13 июня 1963 г. состоялась защита диссертации Н. В. Измайлова на соискание ученой степени доктора филологических наук по совокупности научных трудов, объединенных темой «Текстологические и историко-литературные вопросы изучения творчества Пушкина».

⁶ Владимир Валерьянович Данилов, в 1948—1956 гг. сотрудник рукописного отдела ИРЛИ, в 1963 г. уже пенсионер (ему было 82 года).

2

Письмо Д. С. Лихачева Р. П. Дмитриевой

(Между 13 и 20 июня 1963 г.)

Дорогая Руфина Петровна!

Если А. А. Зимин внесет какие-либо изменения и улучшения текста сравнительно с тем, как это было в действительности, то изменять хорошее изложение Льва Ал<ександровича> не надо (ведь у нас печатаются и ответы, а ответы зависят от того доклада, который был произнесен). Можно позвонить Зимину и предупредить его об этом. Кроме того, намного увеличивать отчет мы тоже не можем.

Я написал письмо В. Г. Базанову и заявление в Ученый совет. Прошу очень (если это возможно), чтобы Лев Александрович доложил содержание письма Ученому совету.

Привет всем.

Д. Лихачев

3

Письмо В. Г. Базанова Д. С. Лихачеву

20 июня 1963 г.

Глубокоуважаемый Дмитрий Сергеевич!

Я внимательно прочитал «Хронику» и готов рекомендовать ее в журнал. Третий номер уже в производстве. Л. А. Дмитриев несколько задержался с представлением. Но и это не должно служить причиной для переноса в четвертый номер, который выйдет из печати после Съезда славистов. Придется слезно просить Издательство, чтобы разрешили доверстать, т. е. при получении первой верстки № 3 приняли в набор. Если так, то у нас имеется время, чтобы уточнить ряд вопросов:

1. Нужно ли специально озаглавить это сообщение или спрятать его под глухим и традиционным названием «Хроника»?

2. Послать ли изложение доклада А. А. Зимину (во избежание недоразумений) для визы? Вероятно, это следует сделать, ибо стенограмма отсутствует.

3. Не слишком ли скупо подается выступление Моисеевой¹ и несколько иронически Азбелева²? Правильно меня поймите, Дмитрий Сергеевич. Не хотелось бы разговоров об одностороннем изложении дискуссии. Возможно, что здесь я проявляю излишнюю осторожность. Может быть, об Азбелеве сказать: «Азбелев в своем выступлении ограничился тем, что присоединился к Зимину, не развернув своих соображений и доказательств».

Прошу Вас снять абзац, где говорится о том, что дискуссия не могла состояться из-за отсутствия на заседании Лихачева, Адриановой-Перетц и Данилова. Можно в примечаниях указать, что упомянутые ученые по болезни отсутствовали. Следует подчеркнуть: «Мы пока не можем развернуть научную дискуссию, поскольку не имеем ни тезисов, ни текста самого доклада, не знаем о под-

робностях аргументации А. А. Зимина. Неудивительно, что обсуждение выступления А. А. Зимина на Секторе имело самый предварительный характер».

Что касается Вашей статьи «Филологические доказательства подлинности „Слова о полку Игореве“», то журнал безусловно заинтересован получить такую статью. Чтобы статья была опубликована в четвертом номере, для этого необходимо представить ее в начале сентября.

Примите от меня добрые пожелания и сердечный привет.

В. Г. Базанов

¹ Галина Николаевна Моисеева, сотрудница Отдела литературы XVIII в. в ИРЛИ, в 1963 г. кандидат (позднее доктор) филологических наук, автор работ, посвященных «Слову о полку Игореве».

² Сергей Николаевич Азбелев, сотрудник Отдела устного народного творчества ИРЛИ (ранее — сотрудник Отдела древнерусской литературы), в 1963 г. кандидат (позднее доктор) филологических наук.

4

Телеграмма А. А. Зимина Р. П. Дмитриевой

23 июня 1963 г.

Весь доклад искажен печатать так подлость через два дня высылаю новый текст не ожидал

Зимин

5

Письмо А. А. Зимина В. Г. Базанову

25 июня 1963 г.

Глубокоуважаемый Василий Григорьевич!

Ознакомившись с текстом Хроники, содержащей изложение моего доклада и обсуждение 27 февраля 1963 г.,¹ я считаю своим долгом написать Вам следующее.

Текст моего доклада передан совершенно неудовлетворительно. Я не знаю, кто и на основании каких материалов излагал его основные положения, но в настоящем виде он дает неправильное представление о том, что явилось предметом обсуждения 27 февраля. Вместо основных положений доклада в Хронике приводятся какие-то детали, примеры, которые отнюдь не передают существо моей работы. Понимая трудности, которые вставали перед автором Хроники (не имевшим текста моего доклада),² я решился дать сам изложение доклада, оставаясь в пределах того крайне (увы!) скудного размера, который ему отведен в Хронике. Прошу Вас поместить изложение доклада в том виде, в котором действительно он был прочитан.

Против публикации Хроники в том виде, в каком она была прислана в журнал ранее, категорически возражаю.

Изложение дискуссии нельзя иначе назвать, как крайне тенденциозным. Поскольку я вел самую тщательную запись обсуждения, то могу внести следующие коррективы в Хронику.

1) Прежде всего, по меньшей мере неточно, что «большинство выступавших высказали самое решительное несогласие» с гипотезой А. А. Зимина. Такого «решительного несогласия» не было ни в выступлении С. Н. Азбелева, ни у Г. Н. Моисеевой, ни у Я. С. Лурье. Но выступало всего 7 человек. О заключительном слове И. П. Еремина³ я скажу ниже. Как же после этого можно говорить о каком-то «большинстве» и о «решительном несогласии»? Тем более, что Д. Н. Альшиц⁴ занял «компромиссную позицию», т. е. склонился к XIII веку.

2) Что значит «выступление А. А. Зимина <...> явно безответственно»? Об этом никто не говорил, а это изложено как общее мнение. Если таково мнение редакции, то пусть так и будет сказано, но нельзя же читателю давать неверное представление о ходе дискуссии.

3) По Хронике, все говорили, что работу А. А. Зимина надо напечатать лишь для того, «чтобы можно было полемизировать с ним». Это явное искажение прений. Речь в них шла о том, что сама работа представляет научный интерес.

4) Д. Н. Альшиц не говорил, что выводы Зимина «очень неубедительны», а только, что для него они «пока не убедительны». Вся аргументация Д. Н. Альшица против традиционной точки зрения (Д. С. Лихачева) о Слове как о памятнике XII в. в Хронике отсутствует. А эту точку зрения он назвал «курьезной».

5) Выступление Г. Н. Моисеевой изложено нечетко. Г. Н. Моисеева говорила о том, что нельзя делить исследователей только на сторонников датировки Слова XVIII веком и на «древников». Для некоторых исследователей вопрос еще не ясен, и они пытаются в нем разобраться.

6) Я. С. Лурье выражал свое несогласие с моим предположением о Ефросине как о том лице, который записал со слов Федора Курицына повесть о Дракуле. Он не выступал против моего вывода об авторстве Ефросина Задонщины. Зато Я. С. Лурье призывал к тому, чтобы мою работу вынести на широкое обсуждение. Об этом ни слова в Хронике нет.

7) И. П. Еремин в заключительном слове согласился с моим тезисом о том, что Слово о полку Игорева не подделка, а художественное произведение. И. П. Еремин совершенно не говорил, что мои аргументы и материалы «потребуют более серьезной и обстоятельной критики, однако для него уже сейчас бесспорно, что аргументация эта может быть опровергнута и он не сомневается в том, что „Слово о полку Игорева“ — памятник XII в.». Зачем так искажать текст выступления И. П. Еремина, который говорил только, что (цитирую дословно) «пока он остается на точке зрения, которую Д. Н. Альшиц назвал курьезной». Я не знаю, какова сейчас точка зрения И. П. Еремина, но его четко произнесенное заключительное слово я записал целиком, поэтому утверждаю, что подчеркнутого текста он не говорил.

8) Вызывает решительное возражение и то, что в Хронике опущено все мое заключительное слово. Это придает односторонний характер дискуссии. Прошу восстановить хоть его краткое резюме: «В заключительном слове А. А. Зимин поблагодарил выступавших за...».

9) В заключении сказано неверно, что «весь сборник — поздний фальсификат». Я говорю, что сборник позднейшего происхождения, но его компоненты различной степени древности.

В общих выводах говорится, что А. А. Зимин «не привел документальных данных, которые свидетельствовали бы о том, что автором Слова был Иоиль». Это не вполне точно. В докладе приведены были новые архивные материалы, которые дают мне основание считать Иоиля автором Слова. Речь идет о его проповедях, о сборнике народных песен, о его изданной книге «Истина». Умалчивать об этом — значит создавать у читателя неверное впечатление о докладе.

Убедительно прошу редакцию журнала «Русская литература» рассмотреть мое письмо, заменить текст изложения моего доклада и внести необходимые коррективы в текст его обсуждения.

С нетерпением жду Вашего ответа. Прошу Вас прислать корректуры Хроники.
25 июня 1963 г. С глубоким уважением

/А. Зимин/

¹ В моем распоряжении был текст, обрывающийся на 13-ой странице. — *Примеч. А. А. Зимина.*

² Следует отметить, что А. А. Зимин не представил и тезисов своего доклада.

³ Игорь Петрович Еремин, профессор ЛГУ (ныне СПбГУ), доктор филологических наук.

⁴ Даниил Натанович Альшиц, сотрудник отдела рукописей ГПБ (ныне РНБ), в 1963 г. кандидат (позднее доктор) исторических наук.

6

Телеграмма-письмо Я. С. Лурье Дмитриевым

29 июня 1963 г.

Очень огорчен новостями мое мнение высказал письме Льву по моему необходимо дать доклад Зимина авторском изложении снять оскорбительные слова безответственности мое выступление прошу восстановить прежнем виде телеграфируйте удалось ли это сделать если нет хочу приехать попытаться убедить Дмитрия Сергеевича привет

Лурье

7

Письмо Л. А. Дмитриева А. А. Зимину

30 июня 1963 г.

Здравствуй, дорогой Саша!

Наконец могу обстоятельно обо всем написать тебе.

Прежде всего: мне не хочется ни портить, ни обострять наши очень хорошие отношения, поэтому я не буду вспоминать ни твои слова в телеграмме, ни то, что письмо свое ты счел нужным послать Базанову, а нам лишь копию его, хотя ответ твой был на письмо из Сектора, подписанное Руфой. Это было, так пусть все это и останется в прошедшем времени.

Я понимаю твою страстность, взволнованность и вспыльчивость. Но вот почему ты предположил во всем только злой умысел — этого я понять не могу. Текст, присланный тебе, с о с т а в л я л я, пользуясь для этого всеми записями, которые были, и пытаюсь восстановить в памяти и твое выступление, и ход всего заседания, и то, что ты рассказывал до заседания. Не скрою, что я, когда составлял этот отчет, все время боялся ошибиться, изложить что-нибудь не так, боялся упростить твою гипотезу, опасался тенденциозности, а не быть в какой-то мере тенденциозным я не мог — ведь как-никак в данном случае мы враги, и полностью, даже стремясь к этому, отречься от своих (взаимно-противоположных) точек зрения не можем. Поэтому, составив отчет (кстати говоря, я был вынужден делать все это против своего желания: из-за наших дружеских отношений

мне совершенно не хотелось делать этого, но так как в Секторе я считаюсь главным «спецом» по «Слову», именно я должен был писать этот отчет, я дал прочесть его всем тем сотрудникам Сектора, которые присутствовали на твоём докладе и, в первую очередь, Якову Соломоновичу. Яков Соломонович, в целом весьма положительно отнесся и к тону, и к характеру, и к содержанию отчета, посоветовал мне выкинуть некоторые действительно ярко выраженные тенденциозные реплики и фразы. В частности, все предложение о том, что «выступление Зимины <...> явно безответственно». Все предложения Я<кова> С<оломоновича> я сразу же принял, и то, что в присланном тебе тексте осталась эта фраза, это недоразумение: из-за спешки тебе была послана копия, в которой не было сделано никакой правки. Текст выступлений Я<кова> С<оломоновича> и Творогова был составлен ими самими, и я внес эти тексты в отчет, по существу ничего в них не меняя. После такой проверки отчета в Секторе я показал его В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачеву. С самого начала было учтено предложение Я<кова> С<оломоновича> послать тебе для выверки изложение твоего доклада. Об этом я сказал и Базанову, и Бушмину,¹ и В<арваре> П<авловне>, и Д<митрию> С<ергеевичу>. Все с этим согласилось. Когда Д<митрий> С<ергеевич> ознакомился с полным текстом отчета, то почему-то решил вообще воздержаться от печатания его. Только поэтому я и не послал тебе в свое время этого текста, так как надобность в этом отпадала, раз было решено совсем ничего не печатать.

Однако совсем недавно, когда 3-й № журнала «Русская литература» уже пошел в типографию, вновь всплыл этот вопрос: Базанов первый поднял его, и Д<митрий> С<ергеевич> также решил, что, сделав некоторые добавления, было бы целесообразным отчет напечатать. Именно всеми этими обстоятельствами и объясняется сначала задержка, а потом такая спешка.

Теперь по существу.

Присланные тобою изложения и доклада, и заключительного слова включены полностью в отчет с некоторым изменением только одной фразы, а именно: вместо слов «...как доказал чешский ученый Фрчек...» — «...как считает чешский ученый Фрчек, к точке зрения которого присоединяется А. А. Зимин...». Если ты возражаешь против этого, то напиши, я восстановлю твое чтение.

Хочу заметить, как в данном случае (с изложением твоего доклада и текстом твоего ответа), так и в изложении прений, о чем более подробно я еще скажу, Базанов никакого значения не имеет: если бы ты послал письмо не ему, а на адрес Сектора, а ему копию этого письма, или если бы ты даже только в Сектор послал письмо со своими возражениями и изменениями, то все равно все твои замечания были бы учтены и какое-то отношение ко всем ним было бы тебе сообщено. Это, между прочим, не только моя точка зрения, в чем, я думаю, ты едва ли можешь сомневаться, но и Д. С. Лихачева: он считает, что то, что твой доклад и твое ответное слово даются в твоём изложении, — очень хорошо и очень верно.

Теперь о выступлениях в прениях.

1) Вместо «большинство выступавших высказали самое решительное несогласие...» стало: «многие из выступавших не согласились...».

2) Фразы «...явно безответственно...», как я уже сказал выше, не было уже в первоначальном отредактированном тексте.

3) Во фразу о необходимости напечатать твою работу я вставил слова о том, что выступавшими был отмечен ее научный интерес. Приблизительно она теперь звучит так: «выступавшие, отметив научный интерес работы А. А. Зимины, говорили о необходимости напечатания ее, чтобы можно было соглашаться

или спорить с выдвинутыми им положениями, имея перед собой печатный текст его работы».

«Приблизительно» потому, что у меня сейчас нет перед глазами текста: его единственный экземпляр (со всеми вставками, поправками, изменениями) находится в редакции журнала и его перепечатывают. Когда мне вернут этот текст и я смогу снять с него копии, то один экземпляр я пришлю тебе.

4) В изложение выступления Д. Н. Альшица я вставил слова о том, что он считает «курьезными» те доводы, которые обычно приводятся исследователями «Слова» в доказательство того, что «Слово» написано в 1187 году. Как ты знаешь из уже присланного тебе текста, я говорю, что Д. Н. Альшиц в своем выступлении уделил много внимания обоснованию своей точки зрения о том, что «Слово» написано в XIII веке. Излагать в отчете содержание этих доводов Д<аниила> Н<атановича> (тем более, что они им уже были опубликованы, а по сравнению с тем, что он опубликовал, он ничего нового в своем выступлении не добавил) абсолютно не считаю нужным. В отчете о выступлении Д. Н. Альшица <я> сказал также, что для него твои доказательства представляются «пока неубедительными».

5) Выступление Г. Н. Моисеевой в целом я оставил без изменения, прибавив к нему в начале такую фразу: «Г. Н. Моисеева говорила о том, что нельзя делить исследователей только на сторонников датировки „Слова“ XVIII веком и „древников“. Для некоторых исследователей вопрос еще не ясен и они пытаются в нем разобраться. Она отметила...» и далее тот текст, который имеется у тебя.

Но и Г. Н. Моисеева, и С. Н. Азбелев, узнав о том, что будет печататься отчет о твоём заседании, потребовали в редакции журнала, чтобы их ознакомили с тем, как изложены в отчете их выступления. Вполне возможно, что они что-то в своих выступлениях и изменят. Когда я буду располагать текстом их выступлений в их редакции, то, если они внесут в них какие-то изменения, я вышлю тебе копии их, и если у тебя в данном случае будут какие-либо возражения, то уж тут я сам попрошу тебя писать не в Сектор, а Базанову в редакцию журнала, прилав копию и нам.

6) Выступление Якова Соломоновича дано мною в том тексте, который он сам же и составил. Я даже не помню сейчас, вносил я что-нибудь туда помимо того, что он сам написал, или нет. Я не вижу, что его выступление, как оно читается в присланном тебе тексте, противоречит тому, как ты передаешь в письме Базанову смысл его выступления. Поэтому текст его выступления я оставил без изменений, добавив лишь такую фразу: «Я. С. Лурье призывал к тому, чтобы работа А. А. Зимины была вынесена на широкое обсуждение». Если ты или Я<ков> С<оломонович> (я ему об этом сообщу) сами дадите мне в таком же объеме, как сейчас, но в иной редакции текст его выступления, то я вставлю в отчет этот новый текст.

7) Оставив изложение начала выступления И. П. Еремина без изменения, окончание его слов я переделал так: «И. П. Еремин сказал, что он полностью присоединяется лишь к одному тезису А. А. Зимины, что „Слово“ не подделка, а художественное произведение. В остальном же он остается на той точке зрения, которую Д. Н. Альшиц в своем выступлении назвал „курьезной“, а именно, что „Слово“ написано в 1187 году».

8) Как я тебе уже сказал, изложение твоего заключительного слова, присланное тобой, полностью включено в отчет.

9) Твое определение Мусин-Пушкинского сборника со «Словом» дается в том виде, как ты считаешь, — позднего происхождения из разновременных компонентов.

Что касается заключительных выводов, то тут дело особое. Это ведь, по существу, оценка всей твоей концепции с точки зрения сторонников того, что «Слово» написано в XII веке, и тут уж тенденция, противоположная твоей, имеет все основания присутствовать. Но все же я немного изменил самую формулировку, сказав, что «новые данные биографии Иоиля, выявленные на основе вновь обнаруженных А. А. Зиминим архивных материалов, документальным свидетельством того, что Иоиль был автором „Слова“, признаны быть не могут».

В заключительные выводы перенесено следующее. Там говорится, что в числе прочих доказательств, которые, по твоему мнению, свидетельствуют о первоначальности Краткой редакции «Задонщины» и вторичности Пространной и близости к Пространной редакции «Слова о полку Игореве», ты приводил сопоставления чтений по разным спискам «Задонщины» и «Слову» («берега харалужные» и «берега каменные» и «зеленую» и «белую» ковыль). После этого приводятся соображения, которые дают основание возражать тебе, но которые не прозвучали на заседании и возникают при более тщательном обдумывании твоих доводов. В этой же заключительной части приводится ряд возражений по поводу некоторых твоих доводов, разумеется, упоминается только то, что приводится в изложении твоего выступления. Эта часть отчета написана в основном Д. С. Лихачевым. Так как он просил до опубликования этих его соображений-возражений твоим доводам никому их не сообщать, то выслать тебе отчет я смогу только в той части, которая соответствует тому тексту, который находится у тебя сейчас. Думаю, что в данном случае тебе обижаться и быть в особой претензии не приходится: Д. С. Лихачев считает, что ты со своим докладом по отношению к нему и ко всему Сектору поступил точно так же. К сожалению, с этим, если смотреть на вещи объективно, нельзя не согласиться: в письме к нему о своем докладе, которое он постоянно цитирует, когда речь заходит о всем этом вопросе, ты ему писал, что собираешься рассмотреть вопрос о датировке «Слова» XII-м столетием (за точность формулировки не ручаюсь, но смысл именно такой). Разумеется, ты можешь считать, что ты говорил ему это, имея в виду пересмотр данной датировки и свою гипотезу о XVIII веке, но у него есть все основания расценивать такую фразу как желание ввести его в заблуждение: ведь фраза-то построена казуистически!

Базанов очень хочет напечатать в журнале отчет. Не все члены редколлегии журнала (в частности, Прийма²) разделяют эту точку зрения. Трудность заключается еще и в том, что если отчет будут печатать, то его нужно будет вставлять уже в корректуру, а пойдет ли издательство на такую большую вставку в корректуру, неизвестно. Наконец, Базанов почему-то высказывал опасение, что ничего не разрешат печатать «сверху». Таким образом, окончательно даже и сейчас еще неизвестно, будут печатать или нет, хотя потребовать рукопись для набора могут каждую минуту, так как на днях начнет поступать корректура журнала.

И дома, и во время заседания я говорил о том, что с твоей стороны было легкомысленно и ошибочно выносить на большую аудиторию обсуждение своей работы. С этим убеждением я остаюсь и сейчас. Я считаю, что тем, что ты не сообщил заранее Д. С. Лихачеву о сути своего доклада, ты подвел и его, и наш Сектор и многое испортил самому себе. В вопросе о «Слове» я твой противник, и, как ты сам прекрасно понимаешь, я должен и буду здесь спорить с тобой. Но, и это я говорил и в частных, и в официальных разговорах, твоя точка зрения — это твоя научная гипотеза, и спорить с ней нужно как с гипотезой, не примешивая сюда никакой политики.

Я понимаю, что, освещая всю эту историю как сторонник противоположной тебе концепции, я не мог не быть тенденциозным, и я пытался освободиться от этой тенденциозности, так как в отчете, и во всяком случае в той части его, которая передает содержание твоего выступления и прений по нему, я стремился быть как можно более объективным. И именно поэтому я не обижен ни на тон твоей телеграммы, ни на тон твоего письма к Руфе, ни на тон твоего письма к Базанову и не считаю себя вправе обижаться на это.

Надеюсь, что это письмо достаточно подробно все объясняет и наши старые отношения не изменятся.

30. VI. 63 г.

¹ Алексей Сергеевич Бушмин, директор ИРЛИ (1955—1965), тогда чл.-корр. АН СССР (с 1960), позднее академик (с 1979).

² Федор Яковлевич Прийма, сотрудник ИРЛИ, доктор филологических наук, заведующий Отделом новой русской литературы, исследователь «Слова».

8

Письмо А. А. Зимина Л. А. Дмитриеву

2 июля 1963 г.

Дорогой Левушка!

В том, что наша дружба останется такой, как была, а быть может, даже упрочится, я теперь не сомневаюсь. Но все-таки хочу, чтобы ты меня понял до конца.

1. Я обиделся на тебя прежде всего за то, что ты мне не написал ничего, не попросил даже составить проект моего резюме доклада, а Руфа прислала мне «как секретарь Сектора» (ее слова) уже текст, который, по ее словам, был в наборе, текст, в который ничего нельзя было добавлять (как она писала), и нужно было заверить(?) — причем речь шла лишь о моем выступлении, а о ходе прений вообще не было ни слова. Разве так следовало поступать? Нет и еще раз нет.

2. Раз текст был в наборе, что мне оставалось делать? Писать ей письмо? Тебе? (Но ты мне не написал ни слова.) А время тем временем бы шло, и потом мне было бы сказано «поздно» — пришла бы корректура! Нет, оставалось крайнее — Вам я телеграфировал, что я думаю, а Базанову в очень корректной форме написал свои замечания. Как ты мог убедиться, я никого не обвиняю, наоборот, даже объясняю тем, что не было <текста> доклада. Но как мне было не обижаться, когда так были изложены прения. Ведь, возможно, это единственная публикация о моем докладе и даже работе вообще. Что же получалось? Доклад «безответственный», я на «порочном пути», печатать надо лишь <для того>, чтобы можно было бы раскритиковать.

Да кто бы после этого вовсе стал печатать книгу? Подобную Хронику можно было составить только с целью убить книгу, не дать ей возможности выйти в свет.

Теперь начистоту. Я и сейчас уверен, что вся композиция (и «излишества») составлена не тобою, а Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, самим или при его участии. Я узнаю его манеру и его аргументы, которые мне известны из других источников.

3. Теперь по существу твоих поправок. Я глубоко благодарен за все, что ты сделал, чтобы текст выглядел верно отражающим события 27 февраля. Почти со всем целиком согласен.

Относительно моего доклада и почему я не прислал его текст и т. п. Я написал Д<митрию> С<ергеевичу> письмо с просьбой поставить доклад — он даже не соизволил мне ответить, поручил Я<кову> С<оломоновичу> позвонить по телефону. Попросил ли Д<митрий> С<ергеевич> прислать тезисы? Поинтересовался ли содержанием доклада? Попросил его текст? Нет и еще раз нет. Так какие у него могут быть претензии? Этого мало. Приехав, я тебе за день изложил содержание доклада. Д<митрий> С<ергеевич> его узнал по телефону. Почему он меня — я хотел с ним поговорить — не попросил отложить или отменить? Сам же я в таких условиях все время имел основание думать, что Д<митрий> С<ергеевич> не поставил бы доклад, если б знал его содержание. Относительно числа присутствовавших — благодарите Ю. К.¹ — я думал, что доклад будет камерным.

Теперь «лучше» или «хуже», что был доклад. Сейчас судить трудно — это покажет будущее.

1. «В данном случае мы враги». Не торопись, Левушка, говорю тебе от чисто-го сердца. На мой взгляд, вопрос со временем Слова решен окончательно и бесповоротно. Не ставь себя в затруднительное положение. Ведь ты ученый, а не идолопоклонник. Нет ни одного аргумента в пользу XII—XIII в. Никакие хитросплетения Д<митрия> С<ергеевича> не спасут положения. Я бы на твоём месте так не говорил. Лучше была бы формула: «пока я не убежден. Поживем — увидим». Априори быть уверенным в чем-либо нельзя (даже в теме, одним аспектом которой ты занимался и с большим успехом. Твои работы об истории издания Слова превосходны). Ведь так, Левушка?

2. Теперь о конкретных замечаниях. Конечно, хотелось бы посмотреть весь отпечатанный текст. В тексте выступления Я<кова> С<оломоновича> я попрошу снять слова: «(например, в Задонщине)» — ибо он говорил о Дракуле, а не Задонщине. Слова о том, что Ефросин не путешественник, тоже можно было бы опустить — ну да это уже его дело.

Теперь о заключительных выводах: это уже дело редакции. Мое — лишь только то, чтоб мой доклад был изложен верно, а его оценка — дело редакции. Очень удивило меня только то, что Д<митрий> С<ергеевич> там дает какие-то свои трактовки отдельных выражений и пр. Разве он автор Хроники? Это странно. Кажется, если ты автор, то Хроника должна быть подписана твоим именем.

Интересно, что, по твоим словам, «упоминается только то, что приводится в изложении твоего выступления». Это верно. Но при чем тут «ковыль» и пр.? Этого в изложении у меня нет. Если это доводы Д<митрия> С<ергеевича>, то я настаиваю, чтобы так и было написано: как полагает Д<митрий> С<ергеевич>, «белая ковыль» и пр. <...> Редакция по таким сюжетам вряд ли может высказаться.

Вот как будто и все.

Надеюсь, что Хроника все же выйдет. В этом заинтересованы все мы, как, надеюсь, и в выходе моей книги.

Крепко жму твою руку, Левушка.

Да здравствует спор чистых сердец.

С тобою готов спорить вечно. С ханжами и обманщиками не буду. Это уже по ту сторону науки.

2/VII. 1963.

Целую. Саша
Руфе поклон.

(Это Валя² распечатала, чтобы прочитать. Она вам кланяется.)

¹ Юрий Константинович Бегунов, сотрудник Отдела древнерусской литературы ИРЛИ, кандидат (позднее доктор) филологических наук. Он рассылал приглашения на заседания Отдела и писал протоколы заседаний.

² Валентина Григорьевна Зимина, жена А. А. Зимина.

9

Письмо Я. С. Лурье Дмитриевым

3 июля 1963 г.

Дорогие Руфа и Лев!

Получил письмо Руфы, потом (в ответ на мою) — телеграмму Льва и сегодня письмо со вложением письма Саше. Если вы учтете, что параллельно я получаю ряд писем Саши, во многом близкие по настроениям к его первой телеграмме (в Сектор), то легко поймете и мое настроение, и письмо-телеграмму и т. д.

Но и вы хороши, друзья. Как могла Руфа так великолепно схалтурить и послать Саше именно тот вариант, который не мог вызвать иной реакции? Почему мысль «надо бы ему позвонить» (в первом письме ко мне) осталась только благим пожеланием?

Не знаю, как будет реагировать А<лександр> А<лександрович> на письмо Льва, но, вероятно, наиболее серьезные возражения вызовет у него «закрытая» часть отчета с возражениями Д<митрия> С<ергеевич>а. Странная все-таки манера: печатать отчет об обсуждении доклада N, а самому N не показывать возражения, сделанные ему задним числом. Почему Д<митрий> С<ергеевич> выступает именно в этом жанре, да еще под псевдонимом «Л. А. Дмитриев»? Не лучше ли ему, если ему хочется выступить тут же, поместить свое возражение в виде «письма в редакцию»? Там же он мог бы коснуться и любимой темы о непредупреждении его Зиминим.

Вообще сюжет этот почему-то заслоняет у Д<митрия> С<ергеевича> все остальные стороны дела и придает всей этой истории какой-то дурачки-мелкий характер, в духе азбелевских протоколов. Я понимаю, конечно, тревогу Д<митрия> С<ергеевича> за Сектор (вероятно, и базановский «либерализм» — готовность печатать отчет — не случаен, а имеет какую-то далеко идущую интриганскую цель), но сводить все к «коварству» А<лександра> А<лександровича> — нелепо. Пусть Саша даже хитрил в своем письме Д<митрию> С<ергеевичу> (хотя он все это объясняет иначе, уверяя, что ожидал ответного запроса Д<митрия> С<ергеевича>, а тот вместо этого, не отвечая ему, поставил доклад; далее он хотел изложить ему устно, но Д<митрий> С<ергеевич> заболел), но Д<митрий> С<ергеевич> явно сам не хочет ответить себе на вопрос: а что бы он делал, если бы А<лександр> А<лександрович> высказался определеннее? Я убежден, что он и в этом случае не отказал <бы> в постановке доклада (он мне сам говорил еще до приезда А<лександра> А<лександровича>, что тот навер-

но будет защищать скептическую т<очку> зр<ения>¹). И, по-моему, самое главное. Можно ли считать, что А<лександр> А<лександрович> сделал это все с личными или карьеристскими целями? А если нет, то зачем сводить научный спор к истории с письмом А<лександра> А<лександровича>? Обязательно хочу все это изложить Д<митрию> С<ергеевич>у, когда приеду в Л<енингра>д, — в конце концов, надо с ним поговорить начистоту.

В моем выступлении (в отчете) я хотел бы только в последней фразе наряду с «вынести <...> на обсуждение» вставить «напечатать», а вторую фразу сформулировать так: «В связи с предположением А. А. Зими́на о Ефросине как об авторе части переписанных им памятников в КБ списке (напр., «Задонщины») Я. С. Лурье указывает, что Ефросин едва ли мог быть автором „Повести о Дракуле“...».

Конечно, очень вероятно, что весь этот отчет вообще напечатан не будет, и все наши волнения были напрасны, но что же поделать...

Я приеду в Л<енингра>д 14/VII; 15/VII поеду в институт, но боюсь, что вас уже там не будет. Куда вы едете? Тогда — до осени.

Таинственных речений Марины² о «жертве» я не понимаю — чем жертвовать: Сашиной головой, что ли? И расшифровывать не желаю; пусть сама объясняет.

Привет всем.

Ваш Я. Л.

¹ Это утверждение противоречит всему, что известно из других источников. Даже дружившие с А. А. Зиминым Дмитриевы узнали о сути его работы только вечером накануне доклада, когда отменить доклад было уже поздно. Об этом пишут в своих письмах А. А. Зимин (см. под № 8) и Л. А. Дмитриев (см. под № 17). Д. С. Лихачев в письме в редакцию журнала «Русская литература» (см. под № 11) пишет, что «никакой вины на Секторе за постановку доклада А. А. Зими́на не лежит», потому что Зимин «ввел Сектор в заблуждение относительно содержания своего доклада» и что «в этих условиях ни один Сектор не смог бы предвидеть содержание доклада и принять оборонные меры».

² Марина Алексеевна Салмина, сотрудница Отдела древнерусской литературы, кандидат филологических наук.

Письмо Л. А. Дмитриева Д. С. Лихачеву

10 июля 1963 г.

Дорогой Дмитрий Сергеевич!

К сожалению, я в четверг (должна быть дирекция, и меня на это заседание вызывают) не могу приехать к Вам сам, а все это дело нужно решать очень срочно — к утру субботы текст Отчета с реализацией предложенных редакцией журнала изменений должен быть готов. Поэтому пишу Вам письмо и посылаю все с Анатолием Сергеевичем Деминым.¹

Прежде всего постараюсь вкратце изложить Вам сущность обсуждения на редакции. Против печатания Отчета в его теперешнем виде решительно возражали В. В. Тимофеева² и В. А. Ковалев.³ В. В. считает, что публикация такого Отчета, по существу, представит как бы выгоду только для Зими́на — журнал предоставляет свои страницы для изложения его точки зрения, не приводя достаточно веских и аргументированных ему возражений. Поэтому печатать можно лишь в том случае, если сразу же после Отчета будет помещена Ваша статья, подробно разбирающая концепцию А. А. Зими́на и критикующая его. В. А. Ковалев также говорил о недостаточной критике А. А. Зими́на, но наиболее суще-

ственное его возражение было против второй части Отчета, где приводятся возражения Зимину уже после собственно Отчета о заседании — не ясно, кому принадлежат эти возражения, и т. д. К. Д. Муратова⁴ сказала, что она считает, что Отчет напечатать нужно, но необходимо обязательно сказать, что Вы и Варвара Павловна <Адрианова-Перетц> в ближайших №№ журнала собираетесь выступить со статьями против Зимина. Много говорил Ф. Я. Прийма, но не только по Отчету, а и по вопросу о докладе А. А. Зимина, об организации этого доклада, о выступлении И. П. Еремина. Я во время его выступления бросил реплику о том, что, к сожалению, Ф<едор> Я<ковлевич>, присутствовавший на докладе А. А. Зимина, не нашел нужным и возможным выступить. В конце своего выступления он объяснил это тем, что возражать Зимину в связи со сложностью его доклада так сразу, со слуха, было просто невозможно. Потом, когда говорил я, я сказал, что мне очень приятно отметить это место в выступлении Ф<едора> Я<ковлевича>, так как оно показывает, в каком трудном положении оказался на заседании Сектор, ибо и для Сектора доклад А. А. Зимина явился совершенной неожиданностью и никто к нему специально подготовлен не был.

Бушмин заранее Отчет не читал и просмотрел его во время заседания (вина тут, правда, не его — ему почему-то текст заранее не давали). Он сказал, что у него на первый взгляд, как у неспециалиста по «Слову», создалось впечатление, что если для специалиста многое и в концепции Зимина, и в возражениях ему понятно и убедительно, то для неспециалиста кажется, что точка зрения Зимина обоснованна, сильно аргументированна, а возражений, по существу, нет. Однако против печатания в принципе он, в общем-то, не возражал.

Наиболее энергично за печатание статьи ратовал Базанов, ссылаясь на Ваше мнение и мнение Варвары Павловны по этому вопросу. Говорил он и о том, что замалчивание теперь еще хуже, чем печатание сообщения. Вместе с тем он говорил и о том, что, так как это Отчет, хроника, то, разумеется, журнал не может требовать переделывать то, что имело место на самом деле, и т. д. и т. п.

Я по ходу выступлений давал некоторые реплики и справки и высказал по-том вкратце то, что и Вы, и Варвара Павловна написали в своих отзывах.

В результате двухчасового препирательства пришли к такому решению.

Отчет, как отчет о заседании Сектора, закончить на заключительном слове Зимина и подписать этот Отчет моим именем как составителя (разумеется, примечание о том, что изложение доклада Зимина и его ответного слова даются в изложении докладчика, — остается).

После Отчета с заголовком «От редакции» поместить либо что-то в виде письма от Вас и Варвары Павловны, в котором Вы выскажете свой взгляд и свою оценку доклада А. А. Зимина и его концепции, либо какие-то общие слова и дополнительные возражения А. А. Зимину как мнению редакции журнала. Т. е., по существу, в иной форме дать то, что составляло раньше заключительную часть Отчета. При этом высказывалось пожелание, чтобы были добавлены и усилены какие-то возражения Зимину. Кроме того, все настаивали на том, чтобы было сказано где-то, что и Вы, и Варвара Павловна предполагаете в ближайших №№ журнала поместить свои статьи по «Слову».

Я сказал, что против того, чтобы заключительная часть Отчета была дана иначе, чем сейчас, я не только не возражаю, но считаю, что так будет гораздо лучше, тем более, что основным автором этой части являетесь Вы. Вместе с тем я сказал, что ответить за Вас или Варвару Павловну, в каком виде Вы посчитаете это лучшим сделать, я не могу. Кроме того, я сказал, что не могу за Вас давать обещание, что Вы за один-два дня сможете написать более сильные возражения, кроме уже представленных Вами в Отчет, на все положения, выдвинутые в изложении доклада Зимина. Я сказал, что сущность всех предложений редакции я

довежу до Вашего сведения и что к субботе все будет представлено в редакцию в окончательно отработанном виде. Кроме того, я сказал, что, очевидно, ни Вы, ни Варвара Павловна не будете возражать против разбивки Отчета в его теперешнем виде на две отдельные части, а также и против того, чтобы было сообщено о Вашем и Варвары Павловны намерении в ближайших №№ выступить со статьями

Я посылаю Вам в предварительно набросанном виде эту заключительную часть «От редакции» в двух вариантах. Посмотрите, какой из них Вам покажется более подходящим. М<ожет> б<ыть>, Вы сможете хоть немного что-нибудь усилить (м<ожет> б<ыть>, какую-либо общую характеристику и оценку концепции Зимина вообще) и добавить. Для этого я снова посылаю Вам и первую часть — самый Отчет.

Если Вы сможете сделать все это при А. С. Демине, то отправьте тексты назад с ним. Если это будет неудобно и чтобы Вам не спешить и не торопиться, то я приехал бы к Вам с утра в пятницу и с новым текстом прямо сразу же от Вас заехал бы к Варваре Павловне, чтобы и ее ознакомить с этим текстом.

Все это необходимо сделать так срочно потому, что уже прислана первая корректура 3-го № журнала и все эти материалы пойдут прямо в текст корректуры < >

Всего Вам доброго

Искренне Ваш Л. Дмитриев

¹ Анатолий Сергеевич Демин тогда аспирант Отдела древнерусской литературы ИРЛИ в настоящее время доктор филологических наук, заведующий Отделом древнерусской литературы ИМЛИ РАН (Москва)

² Вера Васильевна Тимофеева, сотрудник Отдела советской литературы ИРЛИ, член редколлегии, затем главный редактор журнала «Русская литература» (с 1968 г.), доктор филологических наук

³ Валентин Архипович Ковалев, заведующий Отделом советской литературы ИРЛИ, член редколлегии журнала «Русская литература», доктор филологических наук

⁴ Ксения Дмитриевна Муратова, заведующая Отделом библиографии и источниковедения ИРЛИ, член редколлегии журнала «Русская литература», доктор филологических наук

Письмо Д. С. Лихачева в редакцию журнала «Русская литература»

10 июля 1963 г.

Уважаемые товарищи!

Акад<емик> Е. М. Жуков¹ сообщил мне сегодня по телефону и просил передать в редакцию журнала «Русская литература», что имеется решение не публиковать материалы по концепции А. А. Зимина до обсуждения его книги, которая будет отпечатана в двенадцати экземплярах и разослана в служебном порядке специалистам (обсуждение будет узким и закрытым). Это решение обязательно и для нашего Отделения, и для Отделения исторических наук (там отказались от печатания ответа М. Н. Тихомирова).

Я изложил Е. М. Жукову свою точку зрения, подчеркнув, что наше молчание может быть крайне невыгодно истолковано за границей.

Е. М. Жуков просил меня переговорить по этому поводу с акад<емиком> П. Н. Федосеевым, который единственно может разрешить печатание. Думаю, однако, что П. Н. Федосеев не сможет разрешить печатание отчета, не видев его. Для пересылки же отчета П. Н. Федосееву и переделок времени, вероятно, нет. Поэтому надо дожидаться обсуждения всей книги А. А. Зимина. Досадно. На

съезде славистов мы будем в тяжелом положении. П. Н. Федосееву я все же письмо напишу и копию пришлю в редакцию.

Когда я буду в Ленинграде, я покажу в дирекции письмо А. А. Зимина, на основании которого у нас был поставлен его доклад. Из этого письма видно, что А. А. Зимин ввел Сектор в заблуждение относительно содержания своего доклада. В этих условиях ни один Сектор не смог бы предвидеть содержание доклада и принять оборонные меры. Поэтому никакой вины на Секторе за постановку доклада А. А. Зимина не лежит.

Не знаю, смогу ли я выполнить обещание и дать статью в защиту «Слова». Если бы был напечатан отчет, я мог бы на этот отчет сослаться. Но на что сошлюсь теперь я, если и самая работа А. А. Зимина «секретна» и отчет о его докладе не опубликован?

С уважением
Д. Лихачев

¹ Евгений Михайлович Жуков, академик-секретарь Отделения истории АН СССР, академик.

12

Письмо Д. С. Лихачева П. Н. Федосееву

11 июля 1963 г.

Глубокоуважаемый Петр Николаевич!

Разрешите мне как специалисту по древнерусской литературе объяснить Вам свою точку зрения на работу А. А. Зимина относительно «Слова о полку Игореве».

Доклад А. А. Зимина был поставлен в Институте русской литературы в отсутствие специалистов по «Слову о полку Игореве» (член-корр. АН СССР В. П. Адрианова-Перетц была больна и находилась вне Ленинграда, я сам лежал в больнице, проф. В. В. Данилов был болен — ему за 80 лет). Докладчик не сообщил о содержании своего доклада, озаглавив его «К изучению Слова о полку Игореве» и не совсем точно (уклончиво) дав о нем сведения в своем письме. Об истинном содержании доклада стало известно только накануне заседания (очередного, рабочего), когда повестки были уже разосланы. Тем не менее сотрудники Сектора древнерусской литературы сделали докладчику довольно внушительные научные возражения.

Доклад А. А. Зимина длился три часа, и часть аудитории разошлась, не выслушав возражений А. А. Зимину. Это обстоятельство позволило распространиться слухам, что А. А. Зиминим приведены какие-то серьезные аргументы в обоснование поддельности «Слова». К сожалению, эти слухи широко распространялись за границей. Во многих иностранных университетах «Слово» исключено из курсов истории русской литературы. Издательства в Англии и ГДР сняли с производства переводы «Слова» (в ГДР мне удалось убедить вернуть «Слово» в типографию). Я получаю очень много писем из-за границы с просьбой дать сведения о содержании работы А. А. Зимина. Друзья советской науки советуют как можно скорее издать доклад А. А. Зимина, так как иначе распространяются слухи, что А. А. Зиминим приведены неопровержимые факты подложности «Слова», которые недопустимым образом скрываются Академией

наук СССР. В письмах ко мне указывается, что если доклад А. А. Зимина не будет напечатан до съезда славистов, то на съезде славистов советская делегация будет буквально осаждена вопросами. Советским делегатам придется делать импровизированные доклады о точке зрения А. А. Зимина и опровергать ее в невыгодных для нас условиях подозрений. Слависты за границей — в основном преподаватели русской литературы и языка университетов; вопрос о «Слове» для них — практический вопрос программ, курсов, руководств, заданий студентам, а также вопрос отношения к русской культуре и к русской и советской филологической науке, якобы находившейся в заблуждении или нарочно заблуждавшей всех.

Что же представлял собой доклад А. А. Зимина? А. А. Зимин сосредоточил в нем главные аргументы своей работы. Эти аргументы крайне слабы. А. А. Зимин хороший специалист по русской истории XVI века, но он не филолог (а вопрос о подлинности или поддельности памятника — филологический вопрос), не литературовед, не занимался русской историей XII—XIII веков и свою работу, очевидно, писал в крайней спешке. Ни одного сколько-нибудь серьезного довода в работе А. А. Зимина нет, нет и новых фактов, документов. Самое обилие и «косвенность» разнородных соображений указывает на то, что у А. А. Зимина нет решающих соображений. В основном А. А. Зимин повторяет старые и давно опровергнутые у нас и в иностранной научной печати аргументы А. Мазона, добавляя и разбавляя их крайне неосновательными мелкими соображениями — лингвистическими (А. А. Зимин не лингвист), востоковедными (точных языков А. А. Зимин не знает) и текстологическими (не учитывая методики текстологических исследований). Огромную литературу о «Слове» А. А. Зимин знает очень плохо, и это также может быть легко доказано.

Опасаться опубликования работы А. А. Зимина нет никаких оснований. Напротив, неопубликование ее только выгодно для А. А. Зимина, делая его всемирно известным таинственным ученым, которому запрещают публиковать свои «выдающиеся» открытия.

Сектор древнерусской литературы подготовил отчет о заседании, на котором обсуждался доклад А. А. Зимина. В этом отчете изложение доклада А. А. Зимина сделано самим А. А. Зиминим, и поэтому нельзя будет нас упрекнуть в том, что мы что-то скрыли из его аргументации. Далее идет изложение выступлений и приводятся общие соображения по поводу доклада. Слабость доклада А. А. Зимина видна и из его собственного изложения. Этот отчет способен несколько успокоить разгоряченные умы, а кроме того, он позволил бы советской делегации опровергнуть упреки в том, что мы «скрываем» и не печатаем выводы А. А. Зимина. Отчет должен был быть напечатан в № 3 «Русской литературы» (этот номер выйдет к съезду), но снят из журнала, так как академик Е. М. Жуков разъяснил мне, что в АН считают нецелесообразным напечатание каких-либо сведений о докладе до обсуждения всей его работы в целом. Следующий номер журнала (4) выйдет только в декабре. Я очень прошу Вас дать указание журналу «Русская литература» напечатать отчет в № 3. Я прошу Вас также дать это указание как можно скорее, так как прошли уже все корректуры этого номера.

Ограничиться отчетом нельзя. Хотя я всей работы А. А. Зимина не читал, но я убежден, что нужно опубликовать всю работу А. А. Зимина, не делая из нее никакой секретности. Так как читать ее будут не только специалисты, а люди, которым по неосведомленности может показаться, что в аргументах А. А. Зимина много нового и убедительного, то публиковать ее надо не отдельно, а в составе сборника «К вопросу о подлинности „Слова о полку Игореве“», где должны

быть напечатаны ответы и доказательства подлинности «Слова» — чл<ена>-корр<еспондента> В. П. Адриановой-Перетц, мои, некоторых лингвистов, востоковедов и фольклористов.

С уважением
Д. С. Лихачев

13

Письмо Л. А. Дмитриева Д. С. Лихачеву

18 июля 1963 г.

Дорогой Дмитрий Сергеевич!

Письмо Ваше я получил только сегодня (18 июля) на даче, в Усть-Нарве, поэтому так поздно Вам отвечаю. Письмо Ваше в Институт пришло в понедельник, 15-го числа, когда мы уже ушли в отпуск, и нам переслал его сюда Олег Викторович <Творогов>. Из Ленинграда мы уехали днем 15-го и вот, начиная с вечера 15-го по сегодняшний день, всю купаемся и загораем — стоит чудесная погода, и вода в заливе очень теплая. Если такая погода продержится долго, то тут действительно отдохнешь, как на хорошем морском курорте: вода тут по-настоящему морская — соленая, и запах у нее совсем иной, чем в заливе в Зеленогорске, в Молодежном. Во всяком случае, только за 3 дня мы уже отдохнули немного и чувствуем себя коренными дачниками. Нина¹ тоже всю купается и загорела, как маленький негртеноч.

Письмо Ваше к Федосееву написано, как мне кажется, очень хорошо, спокойно и убедительно. Может быть, только стоило бы упомянуть, что редколлегия «Русской литературы» уже приняла Отчет к печатанию и что вопрос этот специально решался на заседании всей редколлегии.

Я должен Вам сообщить, что после Вашего письма в редколлегию я написал А. А. Зимину о том, что Отчет печататься не будет. После его письма (с его текстом своего доклада, заключительным словом и замечаниями по изложению в Отчете выступлений) и после того, как и Вы, и Варвара Павловна одобрили второй вариант Отчета, я написал А. А. Зимину о том, что все его замечания и предложения учтены и что то, что текст его выступления и заключительного слова даются в его собственном изложении, не только не встретило возражения, но, наоборот, всеми было одобрено. Кроме того, в ответ на его просьбу сообщить, в каком виде будет печататься весь Отчет, я написал ему, что после обсуждения на редколлегии и после внесения в Отчет редакционных поправок и изменений я вышлю ему машинописную копию окончательного вида Отчета до текста его заключительного слова. После обсуждения Отчета на редколлегии я сел писать письмо Вам и попросил в редакции журнала снять копию с первой части Отчета, оканчивающейся заключительным словом Зимина. На другой день с утра (когда к Вам ездил <А. С.> Демин) я сел писать письмо <Р. О.> Якобсону с изложением (вернее, просто копией) содержания доклада А. А. Зимина в его собственной редакции и с кратким пересказом сути прений по его докладу. К вечеру приехал от Вас Демин, и все пришлось менять. Письма Якобсону я послать не успел и уничтожил его. Текст для Зимина также еще не был сделан, и я сказал, что его и делать не надо. А. А. Зимину я написал о том, что, когда после долгих дебатов в редакции, где фигурировали Ваше и Варвары Павловны письма, в ко-

торых Вы настаивали перед редакцией о необходимости напечатать Отчет и именно с его собственным изложением его доклада и заключительного слова и в спокойных, выдержанных тонах (при этом я написал ему, что именно эти письма сыграли решающую роль), было наконец принято решение напечатать Отчет, — выяснилось, что Отчет печатать все же нельзя. Я написал ему, что Вам позвонил Жуков и сказал о том, что принято решение никаких материалов о его докладе не публиковать. Писал я ему, что Вы пытались убедить Жукова в необходимости опубликовать Отчет о его докладе, но безуспешно, и что собираетесь писать по этому вопросу Федосееву. Я писал также, что, так как у Вас был не я, то я не знаю, почему Вам позвонил Жуков, и высказал предположение, что если Жуков звонил Вам, зная, что собираются печатать Отчет о его (Зиминой) докладе, то, вероятнее всего, сведения об этом дошли до Жукова от самого же Зимина, так как у нас об этом никто ничего не сообщал никому. Не могли, как кажется, сообщить этого и из «Русской литературы»: как я Вам уже говорил, Базанов после первой поездки в Москву сказал, что в Москве по вопросу о печатании Отчета он ни с кем не говорил. После второй поездки в Москву дирекции (это было уже после заседания редколлегии) Бушмин говорил мне, что в Москве они по поводу печатания Отчета ничего ни с кем не говорили, так как предполагали, что в Москве будут возражать против печатания, а они-де, мол, уже решили Отчет печатать на собственный страх и риск.

Я пишу Вам об этом о всем так подробно потому, что Вы в своем письме просите никому и ничего о письме Вашем к Федосееву не говорить, так как не хотите, чтобы об этом знал А. А. Зимин. Теперь-то уж я, конечно, об этом ничего и никому не скажу, да сейчас это было бы очень трудно сделать, но в какой-то степени это уже сделано, и мне хотелось, чтобы Вы знали все это подробно.

Конечно, очень жаль, что Отчет напечатан не будет — если бы он был опубликован, то все сразу же приобрело бы спокойный характер и всем бы облегчило положение. Приходится только удивляться, как этого не могут понять верховные деятели.

Перечитал сейчас еще раз Ваше письмо к Федосееву — очень хорошее во всех без исключения отношениях и в том числе по отношению и к Зимину.

Руфина Петровна Вам кланяется. Передайте от нас большой привет Зинаиде Александровне.²

Желаем Вам всего доброго.

Искренне Ваш Л. Дмитриев

¹ Нина Львовна Дмитриева, дочь Л. А. Дмитриева, ныне сотрудница Отдела пушкиноведения ИРЛИ, кандидат филологических наук.

² Зинаида Александровна Лихачева, жена Д. С. Лихачева.

Письмо А. А. Зимина Л. А. Дмитриеву

(По штемпелю Москвы 17 июля 1963 г.)

Дорогой Левушка!

Обидно до слез. Неужели ничего нельзя сделать? Я здесь бьюсь, как рыба об лед, но ни на какое жульничество не пойду. Только широкое обсуждение. Никаких «12 экземпляров» решить дело не могут. После моего отказа и длитель-

ной баталии в Отделении велели мне составить список специалистов. Я дал на 180 чел<овек> (м<ожет> б<ыть>, кого-нибудь пропустил. Подскажи, кого надо пригласить, чем больше — тем лучше!?!). Теперь будем каждого обсуждать. Чем кончится — не знаю. Они хотят все «проверить» до съезда славистов. Думаю, что это явная утопия.

Не собираешься ли в Москву? Хотел бы дать тебе работу почитать (приватно). Спорить надо честно — без камня за пазухой.

Теперь помни, Левушка, что ты едешь на съезд, я этой возможности лишен. Отсюда пойми сам, какая ответственность ложится на тебя — на каждое твое слово о моей работе. Не стать рупором лжи. Книга моя (22 п. л.) закончена, была представлена в Отделение исторических наук, но я ее взял, когда узнал о «12-ти экземплярах», и написал корректное письмо Жукову: «предлагалось широко обсудить, а отделение, видимо, сейчас лишено этой возможности. Ну что ж, я подожду». Мне кажется, твоя позиция должна быть такая: «Доклад тебя не убедил, работы не читал. Подождем, когда будет издана книга». Эта формула вполне приемлема для тебя (думаю) и для меня.

В отпуск я иду с 1 августа — отправляемся с Наташкой¹ в Крым.

Спасибо тебе, Левушка, за дружбу и стойкость. Уверен, до самого последнего винтика души, что, когда ты прочитаешь работу, убедишься в моей правоте. Слово — памятник XVIII в., нет ни одного довода в пользу XII в., который бы не разлетелся теперь в пух и прах. Правда — одна, единственная и неповторимая. И если есть на свете Совесть (а она все-таки есть, черт побери!), то не может быть иного ответа на вековую загадку Слова.

Мой поклон Руфе.
Не забывай!
Саша

Да, расклеил письмо. Чуть не забыл:

26 июня 1963 г. на кафедре древнейших языков (!) МГУ Софья Серг<еевна> Кононович делала доклад о Слове (я ее не знаю, видел только на кафедре тезисы). Выводы:

1. Слово — стилизация конца XVII в., сложившаяся в среде киево-могилянских *литераторов* (? — Л. С.)
2. Автор — Дмитрий Ростовский (см. Селивановского).
3. Написано в 1677 г. и содержало призыв к Дорошенко бежать из Москвы на Дон и взять Азов (Тьмутаракань).

¹ Дочь А. А. Зимина.

Письмо А. А. Зимина Л. А. Дмитриеву

(Не датировано)

Дорогой Левушка!

По ходу моих занятий я столкнулся с некоторыми неясностями, которые только ты можешь разъяснить.

1. Кем сделаны пометы на фототипическом издании «Слова», который издал ты?¹

2. Каково, по-твоему, отношение Задонщины со Сказанием?

3. Что — «Основная» редакция и «Летописная» восходят к одному протографу или Летописная только на основании «Основной» написана? Большие ли различия других списков Основной редакции по сравнению с изданным или нет? (я имею в виду происхождение различий).

4. Что иллюстрированный список Унд<ольского>? — Полно ли представляет извод Унд<ольского> — или он очень сокращен (в связи с лицевым характером списка)?

5. F.IV, № 231 (Ипатьевская летопись Ермолаева) — какая там редакция Сказания?

Сейчас я занят Задонщиной, и поэтому меня эти вопросы очень волнуют.

Поклон Руфе.
Всегда твой
Саша

¹ Речь идет об одном из экземпляров первого издания «Слова», фототипическое воспроизведение которого Л. А. Дмитриев поместил в своей книге «История первого издания „Слова о полку Игореве“» (М.; Л., 1960).

16

Письмо А. А. Назаревского¹ Дмитриевым

Киев, 30 декабря 1963 г.

Дорогие Руфина Петровна и Лев Александрович!

Сердечно поздравляю Вас с Новым годом и желаю счастья, здоровья и больших успехов в любимой науке и во всех житейских делах.

Примите прилагаемую книжку в качестве новогоднего подарка: чем богат, тем и рад.

Дорогой Лев Александрович, спасибо за присылку «Зиминиады», — прочел ее с жадностью, в один присест. Многие вызывает возражение сразу же, кое-что сперва поражает, но потом снова оставляет только недоумение, и только немного заставляет серьезно задуматься. Конечно, требуется большая и кропотливая работа по окончательному выяснению взаимоотношений «Слова», «Задонщины» и «Сказания о М<амаевом> побоище», хотя — на мой взгляд — первичность «Слова» и вторичность «Задонщины» уже дважды убедительно доказана В. П. Адриановой-Перетц и Н. К. Гудзием² в обоих вариантах их работ по этому вопросу. Жаль, что некоторые из выступавших заняли какую-то странную, полувинчатую позицию (Альшиц, Моисеева).

Вы ничего не написали, пересылая мне текст обсуждения доклада А. Зимина, должен ли я вернуть его Вам (и как скоро) или он поступает в мое владение.

Непонятно мне также, почему теперь (недавно) по журналам и газетам прокатилась своеобразная «кампания» по юбилею «Слова». Ведь юбилей приурочен к маю (так было в 1938, да и теперь юбилейные собрания были в мае—июне), — чем же это вызвано? М<ожет> б<ыть>, все это предпринято, т<ак> сказать, «в пику» утверждениям А. Зимина?

Во всяком случае желаю успеха Вам и всем, кто будет отстаивать подлинность «Слова».

Всего наилучшего.

Искренне Ваш
А. Назаревский

¹ Александр Адрианович Назаревский, доктор филологических наук, профессор Киевского гос. университета, автор исследований о «Слове».

² Николай Каллиникович Гудзий, в те годы профессор МГУ, академик АН УССР, автор учебника и хрестоматии по древнерусской литературе для вузов, участник дискуссий с А. Мазоном и А. А. Зиминным.

17

Письмо Л. А. Дмитриева А. А. Зимину

(После 11 марта 1964 г.)

Дорогой Саша!

Еще вчера начал тебе писать письмо в ответ на твое ко мне. А сегодня с утра пришло твое письмо Руфе.

Особенно после твоего второго письма я вижу, что объяснять тебе что-то и оправдываться в чем-то перед тобой нет смысла: у тебя есть свое убеждение и свой взгляд на все мои действия и поступки, и, конечно, ты своих взглядов не изменишь и будешь считать, несмотря ни на какие доводы и объяснения, правым себя, так же, как в чем-то, несмотря на твои оценки и характеристики, я буду считать правым себя и не чувствовать себя виноватым ни перед тобой, ни перед своей собственной совестью. Однако в чем-то все же надо объясниться, что я и хочу сделать.

Инициатива интервью¹ исходила отнюдь не от нас, и делать его мы были вынуждены, ибо из редакции «Смены» пришли в Сектор и показали действительное письмо, в котором спрашивалось о «Слове». Прежде чем давать это интервью, мы предупредили интервьюирующую нас дамочку о том, что высшее начальство не желает оглашать сведения о твоей работе, приведя в пример всю историю с попыткой опубликовать отчет о заседании Сектора, на котором ты делал свой доклад. Мы сказали, что лучше всего будет, если она, выслушав наш рассказ, напишет ответ от редакции не в газете, а авторам письма. Поэтому появление в печати этого интервью явилось совершенной неожиданностью, ибо ни меня, ни Творогова (в данном случае я могу ручаться и за Творогова) не предупредили и даже не согласовали с нами текст интервью. Таким образом, многое в тексте этого интервью отнюдь не принадлежит нам. Однако сущность основной мысли, которую я всячески пытался внушить корреспондентке, как я считаю, в интервью отразилась. А именно следующее: «Работа доктора Зимина представляет собой серьезное научное исследование, ее автор убежден в своей правоте, и, значит, его гипотеза заслуживает обсуждения и изучения, от нее нельзя просто отмахнуться, ее можно будет принять или опровергнуть после самого углубленного и всестороннего исследования».

Сотрудники Сектора древнерусской литературы со своей стороны совершенно убеждены в том, что им удастся доказать свою точку зрения: „Слово“ —

памятник древнерусской литературы XII века. Однако для этого надо знать работу доктора Зимина в полном виде, а не в виде доклада, который представляет собой только ее сжатое изложение. Как только полный текст работы ученого станет известен специалистам — историкам, филологам, лингвистам и востоковедам, — начнется обсуждение. До тех пор все возражения могут оказаться неубедительными».

По тем отзывам, которые я слышал от самых разных людей, эта основная мысль как раз и была понята правильно. Достаточно сказать, что первой реакцией Я. С. Лурье, особо щепетильно относящегося ко всему, что касается твоей работы по «Слову», было полное одобрение этого интервью; достаточно сказать, что интервью это очень не понравилось твоим основным оппонентам.

В том, что из интервью вытекает, что ты являешься сторонником и продолжателем западноевропейских ученых, — вина не наша. Назывался только Мазон, говорилось, что большинство западноевропейских ученых считают «Слово» памятником XII века, называлось имя академика Виноградова,² не считающего «Слово» произведением XII столетия.

Слова же о том, что сама по себе твоя гипотеза не нова, по-моему, не искажают действительности. О том, что «Слово» — произведение XVIII столетия, о том, что в основе «Слова» — «Задонщина», впервые говоришь не ты, и, как бы это тебя ни обижало и ни раздражало, об этом тебе придется слышать от всех, кто будет спорить с тобой. А то, что в твоей работе эта гипотеза, эта мысль подтверждается какими-то новыми данными, какими-то новыми материалами, ясно из слов о том, что твоя работа представляет серьезное научное исследование.

Интервью бралось задолго до того, как была получена в Секторе твоя книга, поэтому я не делаю вида, что не читал ее, как ты пишешь, а это действительно так и является.

Ты доклад свой сделал сам, по собственной инициативе, и, если ты помнишь, накануне твоего доклада, когда я узнал от тебя сущность его, я высказал свое мнение, что делать большого публичного доклада на такую тему нельзя, необходимо какое-то предварительное деловое обсуждение. Эту же мысль я высказал и в своем выступлении на обсуждении. Доклад был, и он известен не только тем, кто присутствовал на твоём докладе, но и всем тем, кому о нем эти присутствующие рассказали, и с этим уже ничего не сделаешь, и, кроме тебя самого, к этому никто больше не причастен. Поэтому, кто бы и когда бы меня ни спрашивал о твоём докладе, о твоей гипотезе, я должен отвечать на это и высказывать свою точку зрения, а она, как ты знаешь, прямо противоположна твоей.

Да, теперь я прочел и всю твою работу. Я согласен с тем, что выступать в печати с возражениями по твоей работе (в том виде, в каком она напечатана, а не в том, в каком она может быть известна по твоему докладу) до ее публикации не следует. Однако, и я думаю, что ты прекрасно должен понимать это и сам, по каким-то вопросам «Слова», даже если они соприкасаются с затронутыми тобой вопросами, каждый вправе высказывать свое мнение и свою точку зрения. Считаю также, что в частных разговорах, и уж во всяком случае с теми людьми, которым ты сам давал читать свою рукопись, я вправе высказывать свое мнение и свое впечатление от твоей книги.

В своем письме к Руфе ты пишешь: «То отчет написал, то газетное интервью дал. Лиха беда начало. А там найдутся другие, похлестче. Можно будет руки умыть — мы ведь этого не хотели. Настоящие бы друзья твердо и решительно

отказались принимать участие в этой грязной возне (обсуждениях и т. п.) до издания книги моей...».

Отчет, о чем я тебе писал в свое время, я начал писать не по собственной инициативе. Отчет был о докладе, о заседании Сектора, т. е. о совершившемся факте, многим хорошо известном. Ты обиделся на форму отчета. Все было переделано так, как ты хотел. Когда из Москвы дали распоряжение не печатать этого отчета, ты писал: «Обидно до слез. Неужели ничего нельзя сделать?».

Интервью давалось не о твоей книге, которую к тому времени я не видел ни в виде рукописи, ни в виде ротапринта, а о твоём докладе (о чем, кстати, в интервью и говорится). На каком же основании я могу отказаться от этого интервью?

Теперь, как ты считаешь, я должен отказаться и от участия в обсуждении твоей книги? Я бы с огромным удовольствием это сделал, но всеми предшествующими событиями в данном вопросе мосты сожжены. В ноябре месяце, в конце года, как я это видел и из разговоров с тобой в Москве, и из высказываний Якова Соломоновича, ты сам стремился к тому, чтобы твоя работа была отпечатана на ротапринте и обсуждена. Ведь еще до того, как все это было сделано, я, как с твоей стороны (ты говорил сам об этом), так и со стороны твоих противников, считался одним из потенциальных участников этого обсуждения. Чем же я могу теперь мотивировать отказ от участия в таком обсуждении, если до самого последнего времени я выражал готовность участвовать в нем (даже и тогда, когда узнал, что по твоему списку туда же приглашен и Азбелев) и, мало того, это участие еще в прошлом году было включено в мой институтский план на этот год? Мне кажется, что с этической и моральной точки зрения это действие можно будет оценить лишь тогда, когда станет известным, что я буду говорить на этом обсуждении. А по существу, по основной твоей мысли ты знаешь, что я не могу высказать своего согласия с тобой. Должен со всей откровенностью признаться тебе, что после твоего доклада я считал твою точку зрения гораздо более веской и обоснованной, чем сейчас, когда я прочел всю твою работу. Ты мне писал когда-то, что, как только я прочту все твое исследование, я буду убежден в правоте твоей точки зрения. Этого не произошло. Да, многое, видимо, не ясно, многое потребует дальнейшего исследования и убедительного объяснения, но твои собственные утверждения также неубедительны. И, что самое главное, совершенно неубедительны такие важные и ключевые моменты, как «Слово» и «Задонщина», вставки М<усина>-Пушкина, Иоиль.

Вот что мне хотелось сказать тебе по поводу твоих писем.

Свое последнее письмо ты заканчиваешь словами о том, что «основные понятия порядочности, дружбы и совести понимаются нами по-разному», подразумевая, что тобой они понимаются правильно, а мною — нет. Ну что ж, не нам судить.

Искренне твой
Лева Дмитриев

¹ Интервью см. в Приложении под № 2.

² Виктор Владимирович Виноградов, академик, академик-секретарь Отделения литературы и языка АН СССР (1950—1963), директор Института языкознания и Института русского языка АН СССР (1950—1960).

**Неопубликованный Отчет о заседании Сектора древнерусской литературы
ИРЛИ АН СССР 27 февраля 1963 г.¹**

27 февраля 1963 г. на заседании Сектора древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР доктором исторических наук А. А. Зиминным был прочитан доклад «К изучению „Слова о полку Игореве“».²

Считая «Слово о полку Игореве» замечательным литературным произведением, А. А. Зимин датирует его 2-й половиной—концом XVIII столетия. О том, что «Слово» не могло быть создано в XII в., по мнению А. А. Зимина, свидетельствует ряд литературных, исторических, текстологических и языковых черт «Слова о полку Игореве».

Решающим обстоятельством для выяснения времени написания «Слова о полку Игореве» является отношение этого памятника к «Задонщине», с которой у него есть много общих мест. «Задонщина» сохранилась в двух редакциях: первая из них (Краткая) представлена древнейшим дошедшим до нас списком памятника — Кирилло-Белозерским (70—80-е гг. XV в.), вторую — Пространную, известную по спискам XVI—XVII вв., составляют два извода — Ундольского (списки Исторического музея I и II, Ундольского) и Синодальный (список Синодальный). Краткая редакция заканчивается плачем по русским воеводам, а Пространная содержит вслед за этим вторую часть, возвращающую читателя снова к битве 8 сентября 1380 г. По мнению чешского ученого Я. Фрчека, к точке зрения которого присоединяется А. А. Зимин, Краткая редакция — памятник первоначальный, сложившийся в своей основе в конце XIV в., а Пространная возникла не ранее конца XV в., после свержения татаро-монгольского ига.

Продолжая изучение истории текста «Задонщины», А. А. Зимин пришел к выводу, что к концу XIV в. следует отнести лишь устную версию «Задонщины», автором которой он считает Софония. В начале XV в., по его мнению, сложилось «Слово о Мамаевом побоище» (не содержащее еще вставок из «Задонщины»). В 70-х гг. XV в. «Задонщину» записал и обработал старец Кирилло-Белозерского монастыря Ефросин, перу которого принадлежит и Кирилло-Белозерский список. Так возникла Краткая редакция «Задонщины». В конце XV в. на основе «Слова о Мамаевом побоище» и Краткой редакции «Задонщины» возникло «Сказание о Мамаевом побоище». В 20—30-х гг. XVI в. складывается Пространная редакция «Задонщины», источником которой были Краткая редакция памятника, Никоновская летопись и «Сказание о Мамаевом побоище».

Сличение «Слова о полку Игореве» с «Задонщиной» дает, по мнению А. А. Зимина, основание считать, что «Слово» наиболее близко к Синодальному изводу Пространной редакции памятника. Имеющиеся несколько чтений в «Слове», близких к Кирилло-Белозерскому списку, по наблюдению А. А. Зимина, могут быть объяснены особенностями Синодального извода «Задонщины». Все отличия Пространной редакции «Задонщины» от Краткой объясняются или влиянием «Сказания о Мамаевом побоище» и Никоновской летописи, или

¹ Текст Отчета публикуется по экземпляру, сохранившемуся в архиве Л. А. Дмитриева. Судя по письмам, это не окончательный вариант Отчета.

² Содержание доклада А. А. Зимина и его ответного слова дается в авторизованном изложении. — *Примеч. Л. А. Дмитриева.*

особенностями литературной обработки материала, присущей составителю Пространной редакции. Но если «Слово о полку Игореве» не имеет черт Краткой редакции «Задонщины», которые бы в более близком к нему варианте сохранились в Пространной, а отличие Пространной редакции от Краткой нельзя объяснить влиянием «Слова», то вывод, по мнению А. А. Зимина, может быть только один: «Задонщина» Пространной редакции явилась источником «Слова о полку Игореве».

Далее А. А. Зимин переходит к изучению фактических данных, содержащихся в «Слове». Сравнивая «Слово о полку Игореве» с Ипатьевской летописью, он приходит к выводу, что в памятниках совпадают не только все основные сведения о походе князя Игоря на половцев, но и их последовательность (с переходом от битвы при Каяле в Киев, затем Переяславль, затем снова к Игорю). С рассказом Ипатьевской летописи совпадают и все сведения по истории Руси XI—XII вв. (кроме нескольких фактов, взятых из Кенигсбергской летописи по изданию 1767 г., находившемуся в библиотеке И. Быковского). Но «Слово» не могло быть источником летописи, ибо в последней нет ни одного общего места «Слова» с «Задонщиной», а в «Задонщине» нет ни одного текста, общего для «Слова о полку Игореве» и Ипатьевской летописи.

Наконец, в «Слове о полку Игореве» отсутствуют какие-либо факты, которые не могли быть почерпнуты из двух указанных летописей. Стремление к точности передачи своих источников выразилось, в частности, в том, что автор «Слова о полку Игореве», встретив под 1183 г. Владимира Ярославича, «шурина» князя Игоря, назвал героиню своей поэмы «Ярославной», не дав ей имени (имени Ярославны нет ни в одном достоверном источнике).

По текстологическим данным А. А. Зимин считает, что в распоряжении автора «Слова о полку Игореве» был список Ипатьевской летописи конца XVII—XVIII в. со «Сказанием о Мамаевом побоище» в конце (типа Ермолаевского).

Среди остальных источников «Слова» А. А. Зимин называет «Девгениево деяние», «Повесть об Акире Премудром», памятники церковной письменности и некоторые другие.

А. А. Зимин считает, что в тексте «Слова» можно выделить три вставки,рывающие текст памятника. Все они, как пытается доказать А. А. Зимин, могли быть сделаны только А. И. Мусиным-Пушкиным. Первая из них («съ тоя же Каялы Святоплъкъ повелѣя отца своего между Угорьскими иноходьцы ко святѣи Софии къ Киеву. Тогда при Олзѣ Гориславличи съяшется и растяшетъ усобицами; погибашеть жизнь Дажь-Божа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣщи челоуѣкомъ скратишась») разрывает единый текст «Слова». В ней помещено взятое из Софийской 1 летописи (имевшейся у Мусина-Пушкина) сведение о похоронах кн. Изяслава в св. Софии. Прозвище Олега «Гориславич» было заимствовано Мусиным-Пушкиным из Новгородской 1 летописи младшего извода, которая, как это показал Д. С. Лихачев, находилась в одном сборнике со «Словом». А. А. Зимин предполагает, что к А. И. Мусину-Пушкину попали вырванные из Академического списка Новгородской 1 летописи младшего извода 50 листов, которые в настоящее время в ней отсутствуют и на которых как раз и встречается прозвище «Гориславич». Л. П. Якубинский в статье «О языке „Слова о полку Игореве“» показал, что по грамматическим и некоторым лексическим формам запись на «Апостоле» 1307 г. имеет более архаичский вид, чем соответствующее место в «Слове о полку Игореве». Следовательно, делает отсюда вывод А. А. Зимин, не запись на «Апостоле» восходит к «Слову», а, наоборот, в «Слово» вставлена в небольшой переработке запись из «Апостола»

1307 г. Книга эта находится в Синодальном собрании и попала туда из Канцелярии обер-прокурора Синода А. И. Мусина-Пушкина (куда собирались рукописи по указу 1791 г.) после его отставки, в 1797 г. Помешенное в «Слове» в скобках имя «Олег» — след редакционной деятельности Мусина-Пушкина.

Ссылаясь на работу А. И. Спицына и на наблюдения некоторых археологов (А. Л. Монгайта, в частности), А. А. Зимин считает надпись князя Глеба на Тмутараканском камне изготовленной по эстампу Мусина-Пушкина в 1792 г., когда в его распоряжении было уже «Слово о полку Игореве». Фраза «и тебе Тмутараканский бльван» (под «Тмутараканским болваном» подразумевается Тмутараканский камень) в «Слове» — вторая вставка Мусина-Пушкина.

«Резана» как денежная единица фигурировала лишь в XI в., а в XII в. в источниках (в частности, в «Пространной Правде») уже не упоминается, ибо ее сменила «куна». Однако «ногата» и «резана» названы рядом в поконе вирном «Русской Правды» (Пространной редакции) по изданию А. И. Мусина-Пушкина, вышедшей в том же году, когда появилось в печати первое известие о «Слове о полку Игореве». Но это не отражение чтения той рукописи, по которой Мусин-Пушкин издавал текст, а правка по Академическому списку Краткой редакции. Следовательно, делает отсюда заключение А. А. Зимин, фраза в «Слове» «была бы чага по ногате, а кошей по резани» — третья вставка А. И. Мусина-Пушкина, которая, как это полагал еще А. Потенция, разрывает единый текст «Слова».

О позднем характере «Слова о полку Игореве», как считает А. А. Зимин, свидетельствуют и языковые данные. Если из «Слова» снять лексический пласт, заимствованный из Ипатьевской летописи и «Задонщины», то в тексте памятника не обнаружится слов архаического происхождения (кроме церковных слов «паполома» и др.). Зато часть словарного запаса автора составляют украинизмы и полонизмы («свычая и обычая», «чи ли», «потручати» и др.). Ориентализмы «Слова о полку Игореве» также показывают позднее происхождение памятника («топчаки» — пушкари, «харалужный» от чагатайского «харалуг» — гибель и др.). Восточных («харалужных») мечей на Руси до XIV в. вовсе не было.

По мнению А. А. Зимина, «Слово о полку Игореве» уходит своими корнями в русский, белорусский и украинский фольклор. Многие образы «Слова» восходят к украинским думам и к былинам. Однако все это подверглось ярко индивидуальной творческой переработке автором.

Как считает А. А. Зимин, все изложенное выше свидетельствует о том, что «Слово о полку Игореве» было создано не ранее второй половины XVIII в.

Вторая часть доклада А. А. Зимина была посвящена обоснованию того, кто мог быть автором этого произведения. Сочетание всех особенностей, присущих «Слову о полку Игореве», могло, по мнению А. А. Зимина, иметь место как раз у того человека, которого сам же А. И. Мусин-Пушкин назвал владельцем рукописи «Слова», — у архимандрита Спасо-Ярославского монастыря Иоиля Быковского. При этом, как подчеркивает А. А. Зимин, «Слово о полку Игореве» не имело характера подделки: это было его оригинальное сочинение на исторический сюжет, написанное «старыми словесы». Иван Быковский (р<одился в> 1726 г.) происходил, по мнению А. А. Зимина, из Белоруссии. Судя по сведениям Селивановского, хронограф в сборнике со «Словом о полку Игореве» написан был белорусским почерком. В «Слове» обнаруживаются белорусизмы и несомненный интерес к истории Полоцка. В 1741—1758 гг. Иван Быковский учился и преподавал в Киевской Духовной академии в блестящем окружении (Г. Скворода, Г. Полетика, Г. Козицкий, Я. Козельский и др.). В 1758—1765 гг. Иван (в монашестве Иоиль) Быковский преподавал в сухопутном шляхетском корпусе в Петербурге, где, по предположению А. А. Зимина, входил в кружок передо-

вых представителей разночинной интеллигенции. С конца 1765 г. по 1775 г. он был архимандритом Троицкого Ильинского монастыря в Чернигове, т. е. в том городе, где был похоронен князь Игорь. Интерес к патриотической тематике возрос у Быковского под влиянием Кагульской победы 1770 г. «у Трояновой дороги» и переписки с гр. П. Румянцевым. С 1776 г. Иоиль — архимандрит Спасо-Ярославского монастыря, собиратель русских песен, издатель книги «Истина» с рационалистическими мотивами. В докладе была сделана попытка сравнить «Слово о полку Игореве» с произведениями, связанными с именем Быковского (книга «Истина», проповеди, сборник народных песен, составленный в 70-х гг. XVIII в. в Спасо-Ярославском монастыре). Рукопись сочинения Иоиля около 1791 г. попала в руки Мусина-Пушкина, который, внося в нее свои вставки, решил выдать это произведение за древнее. Целью этих вставок служило стремление «историзировать» сочинение Быковского, приблизить его к памятникам древности. Ту же задачу преследовало составление Мусиным-Пушкиным сборника, в который он включил «Слово о полку Игореве», Спасо-Ярославский хронограф редакции 1617 г., «Девгениево деяние» по списку, близкому к Ярославскому (Тихонравовскому) середины XVIII в., вырезанные листы Академического списка Новгородской 1 летописи и остаток сборника, содержавшего «Задонщину» («Повесть об Акире» и «Сказание об Индийской земле»). Только после смерти Быковского (1798 г.) Мусин-Пушкин приступил к изданию «Слова о полку Игореве».

* * *

В прениях по докладу А. А. Зимины выступили 8 человек. Большинство из них высказало решительное несогласие с выдвинутой А. А. Зиминим гипотезой. При этом было отмечено, что ввиду того, что многие, и при этом самые ответственные, ключевые построения А. А. Зимины, в частности, по вопросу об отношении «Слова» и «Задонщины», основаны на текстологических сопоставлениях, где имеет значение каждое слово, а иногда даже и форма слов, не имея перед собой письменного текста работы А. А. Зимины или хотя бы развернутых тезисов, возражать ему весьма трудно. Было также подчеркнуто, что «Слово о полку Игореве» занимает столь важное место в истории русской культуры, в истории русской филологии, истории и лингвистики, что выступать с коренным пересмотром вопроса о времени создания «Слова о полку Игореве» только с устным докладом явно недостаточно. Вместе с тем, отмечая научный интерес доклада А. А. Зимины, выступавшие в прениях говорили о необходимости опубликования исследования А. А. Зимины, чтобы можно было проверить выдвинутые им положения и соглашаться или полемизировать с ними, имея перед глазами печатный текст его работы. Однако уже и по сделанному А. А. Зиминим докладу был высказан ряд возражений и замечаний. Ниже передается краткое содержание всех выступлений в той последовательности, как это происходило на заседании.

Л. А. Дмитриев, отметив важность проблемы «“Задонщина“ и „Слово о полку Игореве“» в решении вопроса о подлинности «Слова», о времени его создания, сказал, что, по существу, вопрос об отношении «Слова» и «Задонщины» решается А. А. Зиминим так же, как и А. Мазоном. Поэтому А. А. Зимину необходимо было бы опровергнуть все те доводы, которые выдвигались против данной концепции А. Мазона в работах В. П. Адриановой-Перетц, Н. К. Гудзия, В. Ф. Ржиги, А. В. Соловьева, Р. О. Якобсона и др. Для того чтобы решить вопрос о первоначальном виде «Задонщины», необходимо, что уже отмечалось в

свое время В. П. Адриановой-Перетц, провести сравнительный анализ «Задонщины» со всеми текстами «Сказания о Мамаевом побоище»: до тех пор, пока такая работа не будет проделана, никакие выводы о первоначальном виде «Задонщины» нельзя считать окончательными. Даже исходя из тех примеров, которые привел А. А. Зимин, можно оспаривать его положение о том, что во всех случаях, когда поздние списки дают переработку первоначальных чтений «Задонщины», «Слово» повторяет эти переработанные чтения. Так, наименование участников Игорева похода «Ольговым храбрым гнездом» — по имени ближайшего предка (деда) по смыслу ближе к соответствующему месту «Задонщины» по Кирилло-Белозерскому (К-Б) списку, где московские князья названы гнездом родоначальника московских князей (тоже деда) — Ивана Калиты, а не к поздним спискам, в которых говорится об общерусском предке всех русских князей христиан — Владимире святом. То, что денежные единицы «ногата» и «резана» поставлены в один ряд только в «Слове о полку Игоре» и в мусин-пушкинском издании «Правды Русской», ни о чем не говорит: не меньше, если не больше, оснований предполагать, что Мусин-Пушкин назвал эти денежные единицы рядом в издании «Русской Правды» под влиянием «Слова о полку Игоре». Непонятно, зачем Мусину-Пушкину потребовалось вставлять в текст «Слова» упоминание о Тмутараканском «болване», если под этим имеется в виду якобы подделанный Мусиным-Пушкиным Тмутараканский камень? Говоря о подделке Мусиным-Пушкиным Тмутараканского камня и о связи этой подделки со «Словом о полку Игоре», А. А. Зимин упомянул о том, что эта мысль была впервые высказана в 20-х гг. нашего времени историком М. И. Успенским. В связи с этой ссылкой А. А. Зимина Л. А. Дмитриев отмечает, что, сомневаясь в подлинности «Слова», в подлинности Тмутараканского камня, М. И. Успенский в той же своей работе (она не опубликована,³ и рукопись ее хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома) пытается доказать, что и «Поучение» Владимира Мономаха тоже подделка Мусина-Пушкина, вплетенная им в рукопись Лаврентьевской летописи: черта, довольно ярко характеризующая легкомысленную скептическую позицию М. И. Успенского вообще. То, что Ярославна нигде не названа в летописях, но упоминается в «Слове», — аргумент, подтверждающий возникновение «Слова» в XII в. Нельзя считать убедительными и примеры с ориентализмами: целый ряд специалистов по восточным языкам (В. А. Гордлевский, С. Е. Малов, А. Зайончковский, К. Менгес) показал, что формы, в которых употребляются ориентализмы в «Слове», всюду носят архаический характер и соответствуют XII в. Совершенно неубедительными, по мнению Л. А. Дмитриева, тем более после недавно вышедшей из печати статьи Ю. М. Лотмана «“Слово о полку Игоре” и литературная традиция XVIII—начала XIX в.», выглядят все построения А. А. Зимина, в которых он пытается обосновать свое предположение о том, что автором «Слова» был Иоиль.

О. В. Творогов в своем выступлении говорил о том, что в докладе нет ясного определения языка, на котором написано «Слово»; нет ответа и на вопрос, почему автор XVIII в. написал свое, по словам А. А. Зимина, «искреннее» произведение, «книжную былинку» на древнерусском языке, если он не имел в виду создать подделку. Трудно допустить, что кто-либо из людей XVIII в. так хорошо владел древнерусским языком. Совершенно необъяснимыми окажутся в произведении XVIII в. «темные места», если автор, как утверждается, не стремился к

³ Два года спустя работа была опубликована. См.: Quelques données historiques sur de Slovo D'Igor et Tmutorokan par M. I. Uspenskij (1866—1942). Traduction française et texte russe avec pièces complémentaires et appendice par André Mazon et Mickel Laran. Paris: Institut D'Études slaves de l'université de Paris, 1965.

мистификации. Возражения вызывают и частные факты. Так, если считать слова «Тмутараканский блъванъ» вставкой Мусина-Пушкина, имевшего в виду Тмутараканский камень, то почему же он называет небольшой по величине камень «болваном» и переводит слово «болван» как «кистукан»? Указывая на позднюю лексику как свидетельство позднего происхождения «Слова», А. А. Зимин не смог убедительно доказать <свою> датировку этой лексики. Кроме того, при этом игнорируется литературная история текста, возможность вставок, поновлений и т. д. Стилистический облик «Слова» действительно необычен на фоне XII в., но это как раз говорит за то, что перед нами не поздняя стилизация под XII в. Авторство Иоиля провозглашено в докладе декларативно и неубедительно.

Д. Н. Альшиц в своем выступлении много внимания уделил обоснованию своего предположения о том, что «Слово о полку Игореве» написано не в XII в., как считает большинство исследователей, а в XIII, после битвы на реке Калке. Он назвал «курьезными» те доводы, которые обычно приводятся исследователями «Слова» в доказательство того, что оно было написано не позже 1187 г. По его мнению, попытки отнести время создания «Слова» к XVIII в. только потому и возникают, что все остальные исследователи «Слова» во что бы то ни стало стремятся доказать, что «Слово» было написано в 1187 г. Д. Н. Альшиц говорил о том, что выводы, к которым пришел А. А. Зимин, для него пока неубедительны. А. А. Зимин считает, что в некоторых сочинениях Иоиля имеются реминисценции из «Слова». Если это даже и так, что также еще требует доказательства, то это может свидетельствовать лишь о том, что Иоиллю действительно было известно «Слово» и он что-то внес из него в свои собственные творения. Совершенно не ясно, с какой целью Иоиль стилизует текст своего произведения, если, как сам же А. А. Зимин утверждает, «Слово о полку Игореве» писалось Иоилем не с целью фальсификации, подделки, а как оригинальное самостоятельное произведение. Вообще, анализируя текст «Слова о полку Игореве», А. А. Зимин, по мнению Д. Н. Альшица, встает на порочный путь — расчленяет ткань единого цельного художественного произведения на отдельные кусочки и разбирает все эти кусочки независимо друг от друга. «Слово о полку Игореве» — выдающееся художественное произведение (это несколько раз подчеркивал и сам А. А. Зимин), и оно не могло быть составлено из отдельных лоскутков таким способом, как это доказывал А. А. Зимин.

Г. Н. Моисеева говорила о том, что нельзя делить исследователей «Слова о полку Игореве» только на сторонников датировки «Слова» XVIII в. и на «древников». Для некоторых исследователей вопрос еще не ясен, и они пытаются в нем разобраться. Она отметила, что история приобретения рукописи «Слова» Мусиным-Пушкиным весьма запутанна и сложна, поэтому вопрос этот заслуживает самого тщательного внимания. Сопоставления А. А. Зимина «Слова» с «Задонщиной», летописями, мусин-пушкинским изданием «Русской Правды» очень интересны. Однако работа А. А. Зимина еще далека от завершения. Нужны новые дополнительные данные, которые позволили бы принять точку зрения А. А. Зимина.

Л. С. Ковтун говорила о противоречиях в докладе А. А. Зимина: сначала А. А. Зимин отмечал огромные успехи филологической, лингвистической и исторической науки в изучении «Слова о полку Игореве» как памятника XII в., а затем стал доказывать, что это произведение XVIII столетия. Отсутствие исторического словаря русского языка не позволяет уверенно судить о времени возникновения или заимствования отдельных слов, поэтому при решении вопроса о временных границах тех или иных слов «Слова» необходимо быть крайне

осторожным. Решительное возражение вызывает интерпретация А. А. Зиминим ряда языковых фактов. Необходимо стремиться к комплексному изучению «Слова» — его языка, стиля, исторической достоверности и т. д.

По мнению С. Н. Азбелева, отметившего в начале своего выступления, что изучением «Слова о полку Игореве» он никогда не занимался, доклад А. А. Зимина аргументирован весьма убедительно, чего не смогли поколебать основные возражения его оппонентов. Однако некоторые из частных возражений докладчику следовало бы принять во внимание. Ознакомление с книгой А. А. Зимина, на основе которой сделан доклад, позволит специалистам всех заинтересованных отраслей науки составить окончательное суждение о его концепции. Следует как можно скорее издать эту книгу.

Я. С. Лурье считает, что наиболее важной частью работы является текстологическая часть — сопоставление двух редакций «Задонщины» и сопоставление «Задонщины» со «Словом»; эту часть особенно трудно передать в устном докладе. Предположение А. А. Зимина о Ефросине как об авторе части переписанных им памятников в К-Б списке (например, «Задонщины») представляется недостаточно убедительным: Ефросин едва ли мог быть автором «Повести о Дракуле», также находящейся в одном из Кирилло-Белозерских сборников Ефросина, так как автор «Повести о Дракуле» пишет о себе и своих товарищах (в первом лице), что они были в Венгрии; о подобных путешествиях Ефросина нам ничего не известно. Я. С. Лурье считает необходимым вынести работу А. А. Зимина на широкое обсуждение.

И. П. Еремин,⁴ признав серьезность целого ряда построений А. А. Зимина, широту привлеченного им материала, сказал, что доклад этот явился для него совершенной неожиданностью, так как предполагать из названия доклада, что в нем будет ставиться вопрос о том, что это произведение XVIII в., было невозможно. И. П. Еремин считает, что, в противоположность А. Мазону, аргументация А. А. Зимина и приведенные в подтверждение ее материалы потребуют более серьезной и обстоятельной критики. Единственный тезис доклада А. А. Зимина, с которым И. П. Еремин полностью согласен, это то, что «Слово о полку Игореве» не подделка, а художественное произведение. В остальном он остается на той точке зрения, которую Д. Н. Альшиц в своем выступлении назвал «курьезной», а именно, что «Слово о полку Игореве» — памятник XII в.

В заключительном слове А. А. Зимин поблагодарил выступавших за замечания, которые были высказаны по поводу его доклада. Он еще раз подчеркнул, что решил выступить с докладом в ходе работы над темой, а не после ее завершения, с тем, чтобы учесть возможные пожелания специалистов. По мнению А. А. Зимина, его оппоненты не смогли опровергнуть выдвинутые им положения. Конечно, серьезный разбор аргументации может быть только после издания работы в целом. Докладчик остановился на отдельных возражениях, сделанных в ходе обсуждения. Так, он показал, что текст об «Ольговом гнезде», на который ссылался Л. А. Дмитриев, текстологически восходит к Пространной редакции «Задонщины», а не к Краткой. Очень интересные наблюдения Ю. М. Лотмана, по его мнению, показывают совершенно иной круг литературных памятников, с которыми действительно «Слово о полку Игореве» имеет мало точек соприкосновения. Аргумент о наличии в «Слове о полку Игореве» «темных мест» также в настоящее время отпадает, ибо, кроме текста о «Святъ-славля... коганя хоти» (в Ипатьевской летописи «каган» тоже упомянут, только в связи со Святославом), таких мест уже нет. И эти места расшифрованы не на

⁴ И. П. Еремин председательствовал на заседании и заключал поэтому прения.

основе древнерусских памятников, а с привлечением живых диалектов русского, украинского и белорусского языков. В пользу гипотезы о том, что Ефросин записал со слов участника посольства в Венгрию «Повесть о Дракуле», говорит то, что вся рукописная традиция этого произведения ведет в Кирилло-Белозерский монастырь. Обращает на себя внимание и сходство судьбы «Задонщины» и «Повести о Дракуле»: оба они встречаются в сборнике Ундольского, где также находим и «Сказание об Индийской земле» (тоже есть в списке Ефросина), и «Повесть об Акире Премудром». Что же касается заявления Д. Н. Альшица о «порочном пути» изучения «Слова», то оно может быть охарактеризовано только как недостойное ученого. Автор «Слова о полку Игоре» — замечательный русский писатель XVIII в., представитель передовой общественной мысли, и долг советских ученых изучать все обстоятельства создания «этого шедевра русской исторической поэзии».

Что можно еще сказать по поводу доклада А. А. Зимина?

Прежде всего необходимо отметить, что новых документальных материалов, опровергающих существующую в науке точку зрения о времени создания «Слова», А. А. Зимин не привел, так же как не привел достаточно убедительных документальных данных, которые свидетельствовали бы о том, что автором «Слова» был архимандрит Спасо-Ярославского монастыря Иоиль и что Мусин-Пушкинский сборник со «Словом» — сборник, составленный Мусиным-Пушкиным из разновременных компонентов. Все, по существу, строится на предположениях или новом истолковании уже известного: новые факты из биографии Иоиля, основанные на вновь найденных архивных материалах о нем, считать документальным подтверждением того, что Иоиль был автором «Слова», разумеется, нельзя. Необходимо также отметить, что многие выводы А. А. Зимина, по крайней мере насколько это можно заключить из его доклада, строятся на таких данных, более пристальная проверка которых не подтверждает заключений докладчика. Приведем некоторые примеры.

Запись на «Апостоле» 1307 г. действительно имеет в грамматическом отношении более архаическую форму, чем соответствующее место в «Слове», но, как подчеркивал Л. П. Якубинский, установивший этот факт, это говорит лишь о том, что перед автором записи на «Апостоле» 1307 г. был список «Слова» более ранний, чем тот, которым располагал А. И. Мусин-Пушкин. Вообще, включение этого отрывка, являющегося припиской к «Апостолу», в текст, где он органически связан со всем содержанием произведения, со всей художественной структурой памятника, выглядит более чем странно.

А. А. Зимин утверждает, что «резана» — денежная единица — не имела хождения позднее XI в., поэтому она не может упоминаться рядом с «ногатай». Однако в Новгородской 1 летописи «резана» названа в записи под 1137 г.: «И стоя все лето осминка великая по 7 резан», а в других записях, близких по времени (под 1123 и под 1169 гг.), упоминается и «ногата». В берестяных грамотах «резана» встречается и в XI в. (грамота № 247), и во второй половине XII — на рубеже XIII в. (грамота № 228), и даже в XIII в. (грамоты № 215 и 293).

Что же касается того, что имя Ярославны в «Слове о полку Игоре» не названо, то и в этом нет ничего исключительного. Большинство женщин, упоминаемых в летописях XII—XIII вв., названо по отцу или по мужу: Дмитровна, княгиня Герденева, Полюжая Городминистра Жирошкина дъдь, Ивановская, княгиня кюр Михайлова, Володимерья, Мстиславля, Всеволожая, Глебовна, Мстиславна, Андреевна, сноха Ростиславля, Кончаковна и пр.

Вызывает возражения и текстологическая часть доклада А. А. Зимина, в которой он вслед за Фрчеком и Мазоном предполагает, что текст Кирилло-Белозерского списка представляет собой древнейшую редакцию «Задонщины».

Установление редакций произведения не может основываться на эпизодических наблюдениях: текст должен быть проанализирован по всем разночтениям и в связи со всем составом включающих их рукописей. Наблюдения советских исследователей с достаточной ясностью показали, что тексты всех списков «Задонщины» имеют множество испорченных мест и древнейшие чтения могут быть обнаружены во всех списках. В иных своих чтениях «Слово о полку Игореве» ближе к Кирилло-Белозерскому списку, в других — другим спискам. Нет ни одного списка «Задонщины», который мы могли бы без явных натяжек счесть за наиболее близкий к «Слову». Следовательно, видеть доказательство зависимости «Слова» от «Задонщины» в том, что некоторыми своими чтениями «Слово» ближе к поздним спискам «Задонщины», никак нельзя. Ведь другими своими чтениями «Слово» ближе к древнейшему — Кирилло-Белозерскому. А сам Кирилло-Белозерский список, то сохраняющий чтения более правильные, чем остальные, то сокращающий изложение, может быть должным образом оценен лишь в связи с обычными редакторскими приемами его переписчика — монаха Ефросина, переписавшего не только «Задонщину», но и много других произведений. Неверно утверждение А. А. Зимина, что «Задонщина», «Слово о полку Игореве» и рассказ Ипатьевской летописи о походе Игоря 1185 г. не имеют между собой ничего общего. Исследователями давно были указаны эти общие места. О них подробно говорится в недавно изданной Институтом русской литературы книге «„Слово о полку Игореве“ — памятник XII в.», посвященной защите подлинности «Слова о полку Игореве».⁵ В частности, даже река Каяла упоминается только в «Слове», в «Задонщине» и в рассказе Ипатьевской летописи о походе Игоря. Если считать, что «Слово» повлияло на «Задонщину», — тогда понятны эти совпадения. Если же думать, что имело место обратное влияние — «Задонщины» на «Слово», тогда нужно допустить, что «Задонщина» из всего предшествующего исторического повествования летописей по какой-то странной игре случая обратилась за материалом для подражания к тому же летописному изложению событий Игоревы похода, к которому обратился и автор «Слова о полку Игореве».

К сожалению, на заседании не удалось полностью развернуть научную дискуссию, так как тезисы доклада и самый текст его не были предварительно представлены. Обсуждение выступления А. А. Зимина на Секторе имело поэтому самый предварительный характер.

2

Интервью в газете «Смена»

Когда же написано «Слово о полку Игореве»? // Смена. 1964. 11 марта. № 60.

Дорогая редакция!

К вам обращается группа сотрудников отдела главного механика Балтийского завода с просьбой разрешить возникший между нами спор. Мы слышали, что существует мнение, будто бы «Слово о полку Игореве» не является литературным произведением славянской древности, а якобы оно было написано киевским протопопом в XVIII веке и на эту тему даже написана докторская диссертация.

Мы просим разрешить возникший между нами спор и опубликовать ответ в вашей газете.

Н. Боршев, А. Козаревич, Э. Трофимова,
Л. Кутыева, сотрудники Балтийского завода.

⁵ Сб. «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.; Л., 1962. С. 63—69. — Примеч. Л. А. Дмитриева.

Мы обратились в Сектор древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук СССР с вопросом: каковы современные научные данные о времени создания «Слова»? Вот что нам рассказали научные сотрудники сектора О. В. Творогов и Л. А. Дмитриев.

Вопрос о датировке «Слова о полку Игореве» имеет длинную и сложную историю. Еще во времена Пушкина так называемая скептическая школа во главе с профессором истории Каченовским и Сенковским сомневалась в возможности существования древнерусской литературы и рассматривала «Слово» как удачную подделку значительно более позднего периода. Каченовский считал, что в те отдаленные времена не мог появиться текст светского содержания; равным образом он подвергал сомнению подлинность летописей.

Надо сказать, что с тех пор мы обогатились многими новыми находками, опровергающими точку зрения скептической школы. Западноевропейские исследователи, в частности французский академик Андре Мазон, специалист в области русской литературы, также считает «Слово» талантливой мистификацией, подделкой, относящейся к XVIII в., а не к XII. С другой стороны, виднейшие деятели советской науки историки-академики Б. А. Рыбаков и М. Н. Тихомиров, филологи Н. К. Гудзий и Д. С. Лихачев и многие другие стоят на той точке зрения, что «Слово» — великий памятник русской литературы XII в. В советской науке это мнение общепринято.

Целый ряд произведений древнерусской литературы дошел до нас в единственном экземпляре. Это такие значительные произведения, как «Поучение» Владимира Мономаха, «Слово о погибели русской земли». В таких случаях правильное прочтение текста существенно затруднено. То же самое произошло со «Словом».

«Слово» было издано в 1800 г., а единственный список его сгорел, как известно, во время пожара Москвы в 1812 г. Таким образом, в основу всех будущих исследований положен единственный дошедший до нас список поэмы, что существенным образом затрудняет его изучение. Известно, что для прочтения памятников древней литературы необходимо текстологическое сравнение разных списков, чего ученые лишены в данном случае. Однако на основе лингвистических и исторических данных разъясняется все больше «темных мест» в «Слове», и все эти разъяснения подтверждают мысль о том, что эта поэма действительно представляет собой памятник древнерусской литературы, талантливое произведение, созданное в отдаленные времена.

В феврале 1963 г. доктор исторических наук А. А. Зимин сделал доклад на заседании Сектора древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук СССР о датировке «Слова». В своем докладе доктор Зимин вновь выдвинул ту точку зрения, что «Слово» написано не в XII, а в XVIII в., но оно не подделка, а оригинальное произведение, написанное знатоком древнерусского языка и литературы. Автором «Слова» докладчик назвал ярославского архимандрита Иоила Быковского, человека весьма образованного и влюбленного в славянскую культуру.

Сама по себе гипотеза, выдвинутая Зиминим в его докладе, как мы видим, не нова, ново в ней лишь то, что Зимин не считает «Слово» подделкой, скорее, говоря языком современным, по его мнению, оно является стилизацией.

Работа доктора Зимина представляет собой серьезное научное исследование, ее автор убежден в своей правоте, и, значит, его гипотеза заслуживает обсуждения и изучения, от нее нельзя просто отмахнуться, ее можно будет принять или опровергнуть только после самого углубленного и всестороннего исследования.

Сотрудники Сектора древнерусской литературы со своей стороны совершенно убеждены в том, что им удастся доказать свою точку зрения: «СЛОВО» — ПАМЯТНИК ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XII в. Однако для этого надо знать работу доктора Зимина в полном виде, а не в виде доклада, который представляет собой только ее сжатое изложение. Как только полный текст работы ученого станет известен специалистам — историкам, филологам, лингвистам и востоковедам, начнется обсуждение. До тех пор все возражения могут оказаться неубедительными.

С развитием науки мы узнаем все больше о «Слове», но никакие новые научные данные до сих пор не прибавили шансов сторонникам той точки зрения, что «Слово» — произведение XVIII в. Напротив, проясняя и уничтожая «темные места», наука все больше обнажает истинный смысл «Слова» и его связь с русской жизнью XII в.

Специалисты в области древнерусской литературы убеждены, что им удастся опровергнуть аргументацию доктора Зимина в настоящем научном споре, который возникнет с появлением законченной работы историка.